

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ
КРУГЛЫЙ СТОЛ
ИСТОРИОГРАФИЯ КОЛУМБИИ

А.А.Щелчков¹
A.A. Schelchkov

Первые колумбийские историки: Хосе Мануэль Гроот²

The first Colombian historians: Jose Manuel Groot

Аннотация: Колумбийская историография формировалась в XIX в. в борьбе либерального и консервативных течений. Среди первых историков консерваторов особо выделяется имя яркого писателя и историка Хосе Мануэля Гроота, являвшегося одним из самых непримиримых защитников испанской традиции и католицизма в общественной жизни Колумбии. Его труды легли в основу всей колумбийской клерикально-традиционалистской историографии, являвшейся одним из бастионов политического консерватизма не только в XIX, но и в первой половине XX века.

Ключевые слова: Колумбия, традиционализм, клерикализм, историография, консерватизм, Х. М. Гроот

Abstract: Colombian historiography was formed in the XIX century in the struggle of liberal and conservative trends. Among the first conservative historians, stands out the name of the brilliant writer and historian José Manuel Groot. He was one of the most irreconcilable defenders of the Spanish tradition and Catholicism in Colombian public life. His writings formed the

¹ *Щелчков Андрей Аркадьевич* – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; *Andrey Schelchkov* – doctor in history, investigator of the Institute of World History of the Russian Academy of science. Mail: sch2000@mail.ru

² Данное выступление подготовлено при поддержке РФФИ, грант № 18-09-00021, «История Колумбии, с древнейших времен до начала XXI века».

basis of all Colombian clerical-traditionalist historiography, which was one of the bastions of political conservatism not only in the XIX, but also in the first half of the twentieth century.

Key words: Colombia, traditionalism, clericalism, historiography, conservatism, José Manuel Groot.

Хосе Мануэль Гроот (1800–1878) был талантливым писателем, живописцем, но более всего он сделал для развития колумбийской исторической науки. Он был страстным полемистом, борцом за идею верности католической церкви и испанским корням нации. Его труды легли в основу крайне правого фланга консерватизма.

Х.М.Гроот происходил из одной из самых видных аристократических семей Санта-Фе-де-Богота. Свою самостоятельную жизнь он начал как торговец, имевший коммерческие дела совместно со своим дядей, который был либералом и участником движения патриотов за независимость. Во время возвращения испанцев после гибели первой республики семья Гроотов пострадала от репрессий роялистов. Хосе Мануэль был малорелигиозен и, следуя примеру дяди, вступил в масонскую ложу. Первоначально увлекался живописью и литературой. Писал повести и рассказы в костюмбристском стиле. Его перу принадлежат имевшие заметный успех рассказы «Сельские картины обычаев Гранады»³. Да и его знаменитые, весьма высокого художественного качества, акварели также изображали образы народа, крестьян, индейцев, их быта в идеализированном виде. Его живописные работы считаются эталоном костюмбризма⁴.

Гроот много читал, в основном просветителей, Монтескье, Вольтера, а также де Траси и Бентама. Однако после 1832 г. в нем произошел духовный переворот. На Гроота огромное впечатление оказала книга Дириуса «Происхождение культов», в которой автор доказывал надуманность и фантастичность Евангельского рассказа. Однако католические критики этой книги на примере Иосифа Флавия доказывали ничтожность аргументов Дириуса. В результате Гроот начинает читать Святых отцов, церковную литературу, превращается в истого католика⁵. Этот духовный переворот изменил всю его жизнь, Гроот

³ Jaramillo, 1957. P. 97.

⁴ Deas M., Sánchez E., Martínez A., 1989. P. 29–48.

⁵ Historiadores de América. D.José Manuel Groot, 1950. P. 16–17.

посвятил себя борьбе с либерализмом и атеизмом, изучению истории церкви и евангелизации Америки. Гроот становится самым выдающимся католическим публицистом в Колумбии в XIX в.

В 1839 г. Гроот опубликовал свой программный памфлет «Безбожники без головы» (*Los impíos con la cabeza cortada*), защищавший католическую церковь, подвергавший нападкам современную литературу и доктрину политического либерализма. Особой критики удостоились труды И. Бентама, который стал для него символом неверия и морального разложения⁶. Гроот считал, что идеи Бентама просты и поэтому привлекательны, но главное они ложны и вели к извращенным выводам. В их простоте, писал Гроот, главная опасность, ибо с ними трудно спорить⁷. В 1849 г. он опубликовал следующую громкую работу «Отповедь ошибок господина Хулио Арболеда о иезуитах и их порядках». Этот памфлет сделал его автора идейным главой консервативной партии, выступавшей против наступления либералов на религию, против нового изгнания иезуитов из Новой Гранады. С этого момента Гроот сотрудничал, а через год, в 1850 г., возглавил ведущую консервативную газету «*El Catolicismo*». На страницах этой газете он много пишет, в основном памфлеты против протестантизма, позитивизма, атеизма. Особенной ненависти автора удостоились труды Ренана. Его яростные по стилю статьи «Защитники Лютера», «Общество и Евангелие», «Пий IX» приносят ему славу самого большого ретрограда Боготы. Особенную известность получила его работа «Аналитическая критика книги господина Эрнста Ренана «Жизнь Иисуса», которая была опубликована первоначально в «*El Conservador*», а затем издана отдельной книгой в Боготе в 1865 г., а в 1869 г. она при поддержке церкви вышла в Париже. Это был ответ на пропаганду идей Ренана в либеральной газете «*la Opinión*», которой руководили лидер либеральной молодежи Хосе Мария Сампер и не менее юный Сальвадор Камачо Рольдан. В действительности, у Гроота не хватало эрудиции аргументировано спорить с Ренаном, но это он компенсировал ярким стилем и убежденностью в своей правоте. В его работах было много пылкой веры и религиозной убежденности, что сделало эту книгу очень популярной среди читающей публики⁸.

Гроот со временем превратился в ультрамонтана, крайнего реак-

⁶ Jaramillo, 1957. P. 58–65.

⁷ Historiadores de América. D. José Manuel Groot, 1950. P. 17.

⁸ Jaramillo, 1957. P. 77.

ционер. Даже романтический католицизм и универсализм Шатобриана были для него неприемлемы, поскольку, как писал Мигель Антонио Каро, суть общественно-политических споров была для него «битвой самого Бога, без софизмов и академических дискуссий, то есть битвой веры»⁹. Гроот создал основы консерватизма в Колумбии, теоретическую сущность которого выразил другой католический писатель Серхио Арболеда: «Мы не претендуем создать свою школу, так как принадлежим к школе, которая давно существует, это европейская школа католической публицистики, и нам нечего сказать нового, но мы должны предложить, как применить эти идеи в нашей республике»¹⁰. Эти идеи для Гроота состояли в самых реакционных позициях по всем общественно значимым вопросам. Он был одним из последних, кто безо всяких оговорок защищал индекс запрещенных инквизицией книг, Syllabus, как последний способ спасения мира от аморального либерализма.

Считая делом своей жизни защиту основ религии, в 1856 г. он начал работать над фундаментальным сочинением, главной задачей которого должна была стать апология церкви в Испанской Америке и её великого труда по евангелизации индейского населения. На эту работу его спровоцировала книга Хосе Антонио Пласы «Очерки истории Новой Гранады от открытия до 20 июля 1810 г.», в которой роль церкви в истории континента оценивалась негативно, хотя и не так резко, как в речах либералов-радикалов. Газета этих идейных и духовных противников Гроота «Эль-Неограндино» приветствовала появление книги Пласы редакционной статьей, в которой подчеркивалось: «Господин Пласа, человек гуманитарного призвания и американского сердца, а также суровый критик и беспристрастный историк, с содроганием и возмущением описал кровавые сцены варварской колонизации, ... мучавшей индейцев только, чтобы утвердить величие своего короля, и с распятием в руках уничтожившей целые народы. Чтобы заставить их верить в Бога»¹¹.

В ответ на книгу Пласы в 1869 г. в Боготе вышел пятитомный труд Гроота «Церковная и гражданская история Новой Гранады». Гроот заявлял, что его цель состоит в «защите исторической правды о

⁹ Historiadores de América. D. José Manuel Groot, 1950. P. 35.

¹⁰ Martínez, 2001. P. 178

¹¹ El Neograndino. Bogotá. No. 144. 21.02.1851.

церкви»¹². Свою работу он считал способом спасти традиции от материализма и атеизма.

В этой книге Гроот использовал многочисленные источники, сочинения путешественников, трактаты, генеалогические книги, документы архива архиепископата. Последний погиб во время пожара 1948 г., так что работа Гроота – это единственный источник многих утраченных документов. В главах, относящихся к конкисте, он почти дословно повторял текст своего предшественника, историка Хоакина Акосты, опуская лишь то, что свидетельствовало против испанцев. Гроот писал очень живым, ярким языком, часто отвлекаясь на костумбристские зарисовки быта, жизни и обычаев его времени. Прекрасный литературный стиль сделал эту книгу очень популярной.

Гроот создал апологию церкви и колониального режима. Он позитивно оценивал правление испанской короны, особенно подчеркивая её заслуги в распространении культуры и веры. Повсюду, где это было возможно, он ополчался на неточности и преувеличения в работе Пласы, бичевал его за критические суждения о колониальном режиме и церкви¹³. Для него история Америки начиналась 12 октября 1492 г., все до этого было лишь варварством. Если конкиста была жестокой, но необходимой, то колония представляла эпопеей созидания, в которой проявилась цивилизаторская и организующая роль церкви¹⁴.

В отношении более близких ему событий, в частности, восстания комунерос в Сокорро. Гроот резко критиковал своих предшественников Х.М. Рестрепо и Х.А. Пласу, считавших это движение предтечей войны за независимость. Особенно нападал на тех, кто считал вождя комунерос Галана национальным героем. Для Гроота это был бунт, мятеж против властей, лишенный какого-либо политического содержания. Он сравнивал это движение со средневековыми городскими восстаниями¹⁵. В отношении же периода независимой республики он был ещё более критичен, так как видел лишь наступление анархии, деградации власти, утрату традиций, связанных, в первую очередь, с церковью. Вместе с тем, он признавал, что в Новой Гранаде сформировался «дух нации», что делало необходимым создание независимо-

¹² Groot, 1869. P.7.

¹³ Melo, 1996. P. 71.

¹⁴ Jaramillo, 1957. P. 113; Tovar Zambrano, 1982. P. 57–58.

¹⁵ Jaramillo, 1957. P. 115.

го государства¹⁶. С его точки зрения, главным дефектом республики были федерализм, проникновение масонства и либерализма в высших слоях общества. Единственно о ком он отзывался положительно, так это о Боливаре за его «мужественное решение» установить диктатуру. Гроот даже резко критиковал консерватора Х.М. Рестрепо за то, что тот недостаточно энергично поддержал Боливара¹⁷. В целом, в своих оценках политических событий в Новой Гранаде в XIX в. Гроот выступал с позиций агрессивного консерватизма.

Несмотря на сильную тенденциозность содержания и оценок, книги Гроота стали классикой колумбийской историографии. В признании его заслуг перед испаноязычной культурой и церковью он был избран членом Испанской королевской академии истории, а также получил благодарственное письмо от римского папы Пия IX¹⁸. Работы Гроота завершает собой период становления новогранадской исторической науки, период так называемой «классической» или традиционной школы XIX в.

БИБЛИОГРАФИЯ REFERENCES

- Deas M., Sánchez E., Martínez A.* Tipos y Costumbres de la Nueva Granada. Bogotá: Fondo cultural cafetero, 1989.
- Groot J.M.* Historia eclesiástica y civil de la Nueva Granada. T. I. Bogotá: Impr. de F. Mantilla, 1869.
- Historiadores de América. D. José Manuel Groot. 1800 – 1878. Bogotá: Prensas del Ministerio de Educación Nacional, 1950.
- Jaramillo G.G.* Don José Manuel Groot. Bogotá: Academia Colombiana de Historia, 1957.
- Martínez F.* El nacionalismo cosmopolita. La referencia europea en la construcción nacional en Colombia, 1845–1900. Bogotá: Banco de la República, 2001.
- Melo J.O.* Historiografía colombiana. Realidades y perspectivas. Medellín: Seduca, 1996.
- Tovar Zambrano B.* El pensamiento historiador colombiano sobre la época colonial // Anuario colombiano de historia social y de la cultura. Vol.10. 1982. Bogotá, 1981.

¹⁶ Ibidem.

¹⁷ Melo, 1996. P. 71.

¹⁸ Tovar Zambrano B. Op.cit., P. 59.

*О. И. Посконина*¹⁹
O. I. Poskonina

**Закат Великой Колумбии: взгляд венесуэльца
(по «Очерку истории Венесуэлы» Р. М. Баральта и Р.
Диаса)**

**The sunset of Great Colombia from Venezuelan point of
view (on the "Essay on the history of Venezuela" by R.M.
Baralt and R. Diaz)**

Аннотация: После Войны за независимость, в 30-е–40-е годы XIX в. в республиках Латинской Америки появились историки, которые начали составлять хроники революционных времен. Они пытались систематизировать собранные ими факты, дополнить собственные воспоминания рассказами современников и текстами документов. Так постепенно формировалась романтическая историография освободительных революций. Ее ярким представителем в Венесуэле стал Р. М. Баральт, произведения которого отражают многие события 1810–1830 годов, в том числе историю Великой Колумбии и процесс ее распада.

Ключевые слова: Великая Колумбия, Симон Боливар, революционная диктатура, монархия.

Abstract: After the War of independence, in the 30s – 40s of the 18th century historians of the republics of Latin America started to write chronicles of revolutionary time. They tried to organize the obtained facts and supple-

¹⁹ *Посконина Ольга Ивановна*, кандидат исторических наук, доцент Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. *Poskonina Olga I.*, Lomonosov Moscow State University, mail: olgaposk@yandex.ru

ment their own memories with stories of other people and documents. This is how romantic historiography of liberating revolutions was formed. R. M. Baralt was an outstanding representative of it as his works reflect many events of 1810s-1830s as well as the history of Great Columbia and the process of its disintegration.

Key words: Great Columbia, Simon Bolivar, revolutionary dictatorship, monarchy

Период колумбийской истории от начала Войны за независимость до конца 1830 г. отмечен множеством ярких событий. Среди них следует вспомнить такое значимое явление, как созданная С. Боливаром Республика Колумбия (согласно историографической традиции называемая «Великой Колумбией»), провозглашенная в конце 1819 г. и прекратившая свое существование незадолго до смерти Освободителя. Изучение этого исторического сюжета началось вскоре после завершения освободительных революций в бывших испанских колониях. В этом отношении показательны труды участника революционных событий, адъютанта Боливара Д. Ф. О'Лири, собравшего огромное количество относящихся к войне документов и оставившего свои воспоминания о военных годах.

Заслуживают внимания и работы еще одного известного представителя лагеря патриотов, видного колумбийского политического деятеля и историка Х. М. Рестрепо, положившие начало традиционной, или «классической» историографической школе, главными принципами которой было привлечение большого количества документальных источников. В то же время фигура Рестрепо как крупного латиноамериканского историка того времени оказалась не единственной в рамках классической школы, сложившейся после войны и в других республиках. Ее ярким представителем стал младший современник Рестрепо, Рафаэль Мария Баральт (1810–1860), основоположник венесуэльской исторической науки²⁰. Одной из его крупных работ является «Очерк истории Венесуэлы», вторая часть которого, написанная в соавторстве с Р. Диасом, увидела свет в Париже в 1841 г., где и была переиздана спустя почти сто лет, в 1939 г. Она повествует о событиях,

²⁰ Р.М. Баральт был не только историком, но и математиком, инженером, адвокатом, журналистом, поэтом, литературным критиком, философом, дипломатом, политиком, педагогом. Последние годы жизни он провел в Испании.

случившихся между 1797 и 1830 гг.²¹ Степень участия Диаса в создании этого труда неясна, его основным автором считается Баральт. Венесуэльский историк В. Лекуна, исследователь жизни Боливара и событий освободительной войны, снабдил издание 1939 г. комментариями, поясняя либо подвергая критике суждения «автора», при этом не называя его имени, за исключением одного комментария, где он упоминает имя Баральта²².

Излагая прошлое своей родины, венесуэлец Баральт не мог обойти вниманием сюжеты революционной истории Колумбии, поскольку после 1810 г. судьба двух соседних территорий на протяжении двух десятилетий оказалась общей. Во-первых, важнейшие события Войны за независимость Венесуэлы и Колумбии были связаны с деятельностью Боливара как военачальника и политика, во-вторых, эти бывшие колонии Испании (вместе с департаментом Кито) входили, хотя недолго и, по сути, формально, в Республику Колумбию. Следует отметить, что в относящемся к периоду ее существования втором томе «Очерка» фигурирует именно название «Колумбия» без разделения, за редким исключением, на разные территории, а также часто встречается понятие «колумбийцы» безотносительно к месту их проживания.

Родившийся в 1810 г. Баральт не стал действующим лицом революционной эпохи, однако имел в своем распоряжении значительное количество документов и возможность воспроизвести рассказы участников и свидетелей событий тех лет, причем с некоторыми из них автор был знаком лично. Помимо этого, он указывает, что при создании «Очерка» использовал труды своих старших современников (венесуэльского просветителя, историка и географа Ф. Монтенегро Колона и Ф. Х. Янеса, не менее известного историка и писателя), а также документальные свидетельства деятельности Освободителя, документы из государственных архивов, периодические издания Венесуэлы, Эквадора, Новой Гранады и многое другое²³. Кроме того, Баральт опирался на собственные воспоминания о тех годах, когда он, будучи «ровесником революции», повзрослел. Этот талантливый писатель, в совершенстве владевший литературным языком, принадлежал к поколению историков-романтиков, был склонен к преувеличе-

²¹ Baralt, Díaz 1939. Т. 1, 2.

²² Ibid. Т. 2. P. 331.

²³ Ibid. P. 447.

ниям и эмоциям, особенно если речь шла о подвигах героев или коварстве врагов. Любопытно, что в «Очерке» он использует принцип погодного изложения событий 1810–1830 годов, характерный для летописания, а не научного исследования. Рассмотрим, как в этом труде отражены некоторые эпизоды последнего, самого драматичного периода существования Великой Колумбии после того, как 27 августа 1828 г. Боливар установил «революционную диктатуру», пытаясь предотвратить распад государства, где нарастали сепаратистские тенденции.

В целом это решение президента республики оценивается Баральтом негативно. «Диктатура 1828 года, с нашей точки зрения, стала серьезной ошибкой Боливара, которая не может быть оправдана страхом перед анархией, несчастьями родины или намерениями Сантандера и его близких друзей... Хотя эта ошибка не была вызвана неразумным желанием установить тиранию, что противоречило его характеру и принципам, она привела к утрате любви и уважения к нему со стороны соотечественников», – отмечает Баральт. Боливар перестал быть «кумиром своей родины», его поведение спровоцировало заговор 25 сентября 1828 г., когда было совершено покушение на жизнь диктатора²⁴. В данном случае позиция Баральта противоречит мнению О’Лири, полагавшего, что в сложившихся обстоятельствах невозможно было должным образом воспользоваться плодами независимости, а следовало руководствоваться здравым смыслом и опытом, установить сильную власть и не поддаваться демагогическим заявлениям²⁵. Оценивая действия Освободителя, О’Лири доказывал, что его правление, хотя и называлось диктатурой, таковой не являлось, поскольку Боливар всегда стремился к соблюдению законности.

Судьба колумбийского союза, причины его внутренней неустойчивости заинтересовали Баральта еще в юности, когда он исполнял обязанности секретаря генерала республиканской армии С. Мариньо. В 1830 г. в связи с распадом Великой Колумбии в Венесуэле появилась брошюра, в которой была собрана переписка Мариньо с различными должностными лицами по поводу «деликатной ситуации», касавшейся разрыва между Каракасом и Боготой. В предисловии к этому изданию Баральт, с одной стороны, оправдывал сепаратистские действия Мариньо, «заслуженного ветерана» и «бескорыстного патриота», сумевшего решить проблему мирным путем и во благо венесуэльцев, с дру-

²⁴ Ibid. P. 290, 291.

²⁵ O’Leary 1981. T. 28. P. 100, 101.

гой – осуждал произвол Боливара и те «вымученные и нелепые проекты» Боготы, которые дебатировались «никчемным и слабым конгрессом», полностью подконтрольным Боливару²⁶. Эта «деликатная ситуация» волновала его и в период создания «Очерка», над которым он трудился уже вдали от родины.

Несмотря на ярко выраженную провенесуэльскую позицию, а также нелестные оценки действий Боливара и общей ситуации в Великой Колумбии, высказанные Баральтом с юношеским экстремизмом в 1830 г., в «Очерке», напротив, присутствует положительный образ Освободителя. Автор воздает должное его таланту военачальника, личному авторитету, стремлению преодолеть те невероятные трудности, с которыми столкнулись колумбийцы после революции. Так, в конце 1828 г. внимание Боливара было сосредоточено на решении трех основных задач: противостоянии иностранному вмешательству, преодолению внутренних конфликтов и противодействию той негласной, но смертельной войне, которую вели против него «многочисленные противники его неограниченной власти». Однако в то время Боливар мог все преодолеть «благодаря сильной армии, превосходным генералам и с помощью своего выдающегося таланта и настойчивости». Обладая «абсолютной властью», он издал ряд суровых декретов: запрещались браки между испанцами и колумбийцами, прекращался ввоз в Колумбию товаров из Испании под «нейтральными флагами», искоренялось пиратство, была восстановлена, под иным наименованием, подушная подать с индейцев, реформировалось судопроизводство, упразднялись муниципалитеты, «в конечном итоге в провинциях устанавливался политический и экономический режим в соответствии с декретом 27 августа, который просуществовал, в качестве основного закона, до 1830 г.»²⁷. Отметим, что перечисленные ограничительные, недемократические меры в данном случае Баральтом не комментируются, а лишь преподносятся как факты.

Более эмоционально, порой с горечью Баральт описывает гражданскую войну в бывшей Испанской Америке, которая не прекратилась и после образования независимых государств. По-прежнему, как в годы освободительной революции, американцы убивали друг друга. В начале 1829 г. с новой силой разгорелся тлевший ранее конфликт между Колумбией и Перу, республиками, недавно свергнувшими ис-

²⁶ Текст предисловия см.: Grases 1973. Т. 2. Р. 59–65.

²⁷ Baralt, Díaz 1939. Т. 2. Р. 306.

панское господство, не имевшими политического опыта и не привыкшими жить в мире. «На душе становится печально при взгляде на эти две молодые республики, доверившие непредсказуемому военному решению простые вопросы, которые, при некотором благоразумии и честности, могли быть урегулированы с быстротой и легкостью», – сокрушается автор²⁸. Далее подробно излагается, как развивались военные действия, как Х. А. Сукре и порученец Боливара, полковник О’Лири пытались мирным путем уладить с перуанцами пограничные и иные споры, но последние выдвинули неприемлемые условия, одновременно продолжая наступление на позиции колумбийской армии.

Склонный к скрупулезному воспроизведению событий, Баральт расписывает их по месяцам и числам, указывает названия населенных пунктов и провинций, где велась военная кампания, приводит имена отличившихся или павших в бою командиров и офицеров, отмечает численность войск и количество потерь с той и другой стороны. Например, в известном сражении при Партете де Тарки (близ Куэнки, территория современного Эквадора) 27 февраля 1829 г. перуанцы потеряли, включая убитых, раненых и пленных, 2500 человек, в том числе 60 генералов и офицеров, тогда как потери колумбийцев составили 343 солдата, а также 17 офицеров и командиров различных рангов. Одержав победу над превосходящими силами противника, Сукре, как отмечается в тексте «Очерка», проявил сострадание и благородство по отношению к поверженным врагам, запретив под страхом смерти убивать и мучить пленных, так как, «защитив честь Колумбии, ни к чему было далее проливать американскую кровь». После заключения не слишком тяжелого для перуанцев мирного договора остатки их армии были отправлены по домам²⁹.

В итоге, помимо Боливара, перед читателем предстает светлый образ Сукре – одного из самых молодых и талантливых «генералов революции», предотвратившего месть по отношению к врагам и ненужное кровопролитие. В сравнении с ними явно проигрывает другой персонаж, президент Перу и главнокомандующий перуанской армией генерал Х. де Ла Мар, чья «мутная и предательская» политика сделала его крайне непопулярным в собственной стране. Ла Мар пытался

²⁸ Ibid. P. 307.

²⁹ Ibid. P. 314, 315. Речь идет о сражении между войсками Великой Колумбии под командованием Х. А. Сукре и Х. Х. Флореса и Перу во главе с генералом Х. де Ла Маром, которое завершило тридцатидневную военную кампанию.

нарушить мирное соглашение с Колумбией и вновь ввергнуть перуанцев в войну, которая «не имела иной цели, кроме удовлетворения его собственных недостойных чувств мести и ненависти»³⁰. Вскоре противоречия в высших военных кругах привели к свержению Ла Мара и его изгнанию из Перу. Соглашение было сохранено и даже расширено, а вновь назревавший кризис разрешился в интересах обеих сторон.

Несмотря на благоприятный для колумбийцев исход этой «внутренней войны», она свидетельствовала о нестабильности на постреволюционном пространстве. Вооруженные столкновения с соседями, как явствует из текста «Очерка», подрывали силы Колумбии, вынуждая ее тратить и без того скудные ресурсы на разрешение конфликтов. Тем временем в республике царил хозяйственная разруха, население впало в нищету, источники доходов резко сократились, поля оказались заброшенными – это была разоренная страна, что стало одной из причин ее распада. Более других пострадали южные территории, поэтому Боливар был вынужден не только повсеместно ввести чрезвычайный налог, но и сократить снабжение расквартированной на юге армии, не гарантируя при этом выплаты ей жалования³¹.

Некоторое внимание уделяет Баральт внешнеполитическому положению Великой Колумбии в период диктатуры Боливара. Республика жила в условиях, когда в любой момент ее враги могли организовать заговор – агенты Испании, обосновавшиеся на соседних островах, эмигранты-роялисты, плетущие интриги, наконец, затаившиеся внутри страны недруги, мечтавшие вернуть ее под испанское владычество³². Однако эта угроза, в силу почти всеобщей ненависти к испанцам, оказалась не столь опасной, как те бури, которые сотрясали республику изнутри, включая мятежи в департаментах, выступления против «узурпатора Боливара» бывших соратников и особенно действия его сторонников.

Как полагает Баральт, разрушению единства республики в значительной степени способствовали высшие должностные лица, затеявшие пагубные перемены в отсутствие Боливара. Автор пытается разобраться в очередном «деликатном моменте колумбийской истории» и, ссылаясь на недостаток документов, многие из них, тем не менее,

³⁰ Ibid. P. 316, 317.

³¹ Ibid. P. 320.

³² Ibid. P. 324.

обильно цитирует³³. Несмотря на осуждение самого факта установления диктатуры, он сочувствует Боливару, пытаясь снять с него часть ответственности за сложившуюся в стране взрывоопасную ситуацию. «На самом деле в то время во многих головах, особенно государственных советников, существовал проект изменения формы правления с республиканской на монархическую», – пишет Баральт³⁴. Он приводит имена членов Государственного совета, исполнявших функции ключевых министров, которые сумели заручиться поддержкой «своих друзей и уважаемых лиц в департаментах». Воодушевленные этим успехом, они направили по дипломатическим каналам соответствующие уведомления правительствам Англии и Франции, чтобы нейтрализовать возможное противодействие со стороны США и других республик, не заинтересованных в укреплении власти в Колумбии. Мнение Совета сводилось к тому, что в стране должна быть установлена конституционная монархия при пожизненном правлении Боливара, наделенного титулом «Освободитель», а его преемником мог бы стать представитель французской династии, что, по религиозным и политическим соображениям, наилучшим образом подходило для управления колумбийцами. Все эти предложения были весьма сдержанно встречены в Англии и с заметным воодушевлением – во Франции³⁵. Обоснованием необходимости смены формы правления, как следует из цитируемого Баральтом документа Государственного совета, стал тезис о монархических настроениях населения, которое веками существовало при монархии, но, свергнув власть Испании, вскоре убедилось, сколь вредна неограниченная свобода³⁶.

Изучив ряд документов, Баральт приходит к выводу об отсутствии каких-либо свидетельств, официальных или личных, о том, что Боливар принимал участие в этих «преступных маневрах». Напротив, на основании многих его поступков и рукописей, отмечает автор, можно убедиться, что он всегда с негодованием отвергал нередко поступавшие ему предложения «возложить на себя корону», предпочитая ко-

³³ Ibid. P. 326.

³⁴ Ibid. P. 321.

³⁵ Ibid. P. 326–328. Королем Франции был Карл X Бурбон, в годы правления которого в стране возобладали политическая реакция, так называемый «белый террор».

³⁶ Ibid. P. 328.

ролевскому титулу звание Освободителя³⁷. Несмотря на его однозначную позицию, семена раздора были посеяны, «маневры» сторонников монархии раскололи страну. В центральных и южных районах Колумбии преобладали консервативные настроения, там готовы были поддержать Боливара как главу государства, какими бы ни были его титул и название должности. Венесуэльцы, руководимые Х. А. Паэсом, решительно отвергали возможность установления монархии, предпочитая «отделить Венесуэлу от колумбийского союза, чтобы превратить ее в независимую республику и не признавать власть генерала Боливара»³⁸. Далее, излагая ход событий в Венесуэле, которые привели к необратимому распаду Великой Колумбии, Баральт «со стыдом и болью» говорит о том, что на его родине «ни один голос не возвысился, чтобы напрямую поддержать Освободителя»³⁹. Следует отметить удивительный контраст между суждениями Баральта, высказанными в предисловии к изданию переписки Мариньо, о чем было сказано выше, и его оценкой той же ситуации, содержащейся в «Очерке», появившемся спустя десятилетие.

Таким образом, описывая и анализируя события и процессы, разрушавшие объединенную республику, Баральт основной причиной ее распада считает «ошибку Боливара», т.е. установление диктатуры и на этом фоне – последующие «маневры» колумбийского правительства с его монархической идеей. Это привело к падению авторитета Освободителя и потере им доверия со стороны либерально настроенной части общества. Не случайно, рассуждая о заговоре против Боливара 25 сентября 1828 г., Баральт подчеркивает, что в организации покушения участвовали не только те, кто испытывал ненависть к Боливару или был одержим страстями. Среди заговорщиков находились образованные люди, обладавшие высокими моральными качествами, в том числе молодые преподаватели и студенты, военные высокого ранга, уже послужившие родине, и некоторое количество младших офицеров. «Все это заставляет думать, – заключает автор, – что заговор являлся политическим проектом и проявлением патриотизма»⁴⁰. Круг замкнулся – авторитарная власть, призванная сохранить Великую Колумбию, привела к ее краху.

³⁷ Ibid. P. 330.

³⁸ Ibid. P. 334, 335.

³⁹ Ibid. P. 335.

⁴⁰ Ibid. P. 291.

БИБЛИОГРАФИЯ

REFERENCES

- Baralt R.M., Díaz R.* Resumen de la Historia de Venezuela desde el año de 1797 hasta el de 1830. T. 1, 2. Brujas–Paris, Desclée, de Brouwer, 1939.
- Grases P.* Temas de bibliografía y cultura venezolanas. T. 2. Caracas, Monte Avila Editores, 1973.
- O’Leary D.F.* Memorias del general O’Leary. T. 28. Caracas, Ministerio de la Defensa, 1981.

*В. Л. Хейфец*⁴¹
V. L. Jeifets

**Попытка марксистского анализа проблем Колумбии:
страна и ее левое движение в документах Коминтерна
в 1920–1930-е гг.⁴²**

**The Intent of Marxist Interpretation of Colombia: the
Country and its left-wing Movement in the Comintern's
Documents in 1920-1930s**

Аннотация: В настоящем выступлении анализируются внутренние документы руководства Коминтерна и его переписка с Социалистической революционной партией и Коммунистической партией Колумбии. Автор уделяет особое внимание эволюции взглядов руководства III Интернационала на СРПК, в то же время исследует сделанные Коминтерном оценки Колумбии в целом. Показана эволюция взглядов Коминтерна на тактику компартии в конце 1920-1930-ее гг., включая период начала попыток формирования в стране Народного фронта.

Ключевые слова: Колумбия, Коминтерн, революционные социалисты, компартия

Abstract: The presentation contains an analysis of some internal documents prepared for the Comintern's leaders, as also Comintern's correspondence with the Socialist Revolutionary Party and the Communist Party of Colombia. The author especially deals with the evolution of the III International's leaders over the Socialist Revolutionary Party, however, he doesn't forget to pay attention to the general estimations of situation in Colombia made by the Comintern. The presentation demonstrates the evolution of the Comin-

⁴¹*Хейфец Виктор Лазаревич* – доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета. *Victor L. Jeifets* – Dr. In History, professor of the St. Petersburg University, e-mail: jeifets@gmail.com

⁴² Данное выступление подготовлено при поддержке РФФИ, грант № 18-09-00021, «История Колумбии, с древнейших времен до начала XXI века».

tern's views over the tactics to be carried out by the Communist since the end of 1920s to the 1930s, including the period of intents to form a kind of Popular Front in Colombia.

Keywords: Colombia, Comintern, Revolutionary Socialistas, the Communist Party

Колумбия не сразу оказалась в центре внимания III Интернационала, да и попав в сферу его влияния, рассматривалась, прежде всего, не с точки зрения самооценности и значимости страны, а применительно к развитию Революционной социалистической партии (Partido Socialista Revolucionario, PSRC) (с 1930 г. – Коммунистической партии Колумбии, ПСС).

Сама история КПК и ее отношений с Москвой остаются в известной степени историографической лакуной⁴³. В настоящем выступлении не преследуется цель исследовать первоначальный период этих контактов (время, когда в Боготе была сформирована коммунистическая группа во главе с С. Савицким,⁴⁴ который может рассматриваться как одна из самых загадочных фигур в истории Коминтерна⁴⁵). Основной задачей является выявление того, как Коминтерн, его центральные и региональные органы рассматривали южноамериканскую страну и ее левое движение.

Сама группа Савицкого, судя по имеющимся данным, мало заинтересовала руководство III Интернационала, хотя в нее входили люди, впоследствии превратившиеся в знаковые для Революционной социалистической, Коммунистической и Либеральной партий: Л. Видалес, М. Приэто, Л. Техада, Г. Турбай.⁴⁶ Москва мало что знала о них, о партийной системе страны, да и не очень поначалу стремилась выяснить эти детали, вежливо отклонив просьбу о приеме в ряды Коминтерна.⁴⁷ Лишь после Второго Национального рабочего конгресса, провозгласившего создание Национальной рабочей конфедерации⁴⁸, позиция ИККИ стала постепенно меняться. Руководство всемирной компартии не могло совершенно игнорировать партию, считавшую

⁴³ Treinta Años, P. 12; Medina, 1980. P. 83.

⁴⁴ Jeifets, V., Jeifets, L., 2015.

⁴⁵ Kheyfets L., Kheyfets V., 2001. P. 7–37.

⁴⁶ Jeifets V., 2018. P. 10.

⁴⁷ РГАСПИ, ф. 495, оп. 104, д. 3, л. 1.

⁴⁸ Medina, 1980. P. 89–93.

себя коммунистической и контролировавшую профцентр, в котором состояло около 30 тыс. человек.⁴⁹ В ноябре 1926 г. для руководителя Коминтерна Н.И. Бухарина был подготовлен специальный доклад о Колумбии,⁵⁰ а чуть раньше Секретариат ИККИ, наконец, ответил своим колумбийским единомышленникам по существу,⁵¹ пригласив их на VI конгресс Коминтерна и начав расширенный сбор информации – как напрямую, так и при посредстве Южноамериканского секретариата. Секретарь Латинского секретариата ИККИ «Эрколи» (за этим псевдонимом скрывался итальянский коммунист Пальмиро Тольятти) пояснил главе ЮАСКИ, аргентинцу Хосе Ф. Пенелону то, что не было упомянуто в ответе колумбийцам: Москва сочла PSR крайне слабой в теоретическом отношении, по сути, «застывшей» на этапе романтического восхищения революционной волной 1917 года и мало что знавшей о Советской России и коммунизме.⁵²

Коминтерн настаивало на том, что PSR была гораздо ближе к колумбийским политическим традициям, нежели чем к жестким нормам, установленным «21 условием»; партия охотно соглашалась с тактикой «прямого действия», возможностью индивидуального террора, допускала альянс с либералами, сравнивала коммунизм с «христианским возрождением»⁵³. Все это Эрколи охарактеризовал как классическое понимание революции «полухристианскими объединениями революционных элементов полукOLONИальной страны».

Как следует из другой версии доклада для Бухарина, в Москве в 1926 г. были уверены в существовании в Колумбии одновременно компартии (основанной в 1924 г.) и соцпартии.⁵⁴ То, что группа Савицкого уже прекратила существование, в ИККИ так и не осознали.

Коминтерн знал о преобладании в стране латифундистской формы сельского хозяйства: «землевладельцы ведут паразитический образ жизни, сдавая землю в аренду туземцам-индейцам. Договоры аренды похожи на отношения средневековой феодальной кабалы. <...> Особенно это касается районов, богатых полезными ископаемыми и кофейных плантаций, где правительство выдает концессии иностранным

⁴⁹ Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. 2012.

⁵⁰ РГАСПИ, ф. 495, оп. 104, д. 4, л. 20.

⁵¹ Там же, д. 3, л. 4.

⁵² Там же, л. 2.

⁵³ Там же, л. 20–22.

⁵⁴ Там же, 4. л. 14.

капиталистам. <...> Английский капитализм, а затем – и в еще большей степени – американский капитализм – нуждаются в сырье и рынках для продажи своих промышленных изделий, препятствуя развитию национальной промышленности».

При этом факт империалистического доминирования даже внушал руководству ИККИ определённый оптимизм: «Американская профсоюзная конфедерация потеряла всякое влияние, и если удастся добиться единства, новая организация профсоюзов окажется под коммунистическим влиянием». Препятствием к этому в III Интернационале видели в «идеологической неопределенности, которая преобладает не только в рядах социалистов, но и в рядах Коммунистической партии, в использовании тактики, в которой иногда проявляются анархистский, синдикалистский или социал-демократический уклон»; «провозглашая необходимость вооруженного восстания, партия готова идти на компромисс с некоторыми буржуазными партиями на выборах, чтобы получить голоса (как в 1925 г.)».⁵⁵ В Москве считали сложным для понимания «политической ориентации» Компартии, поскольку другие группы (также считавшие себя коммунистами), не признавали лидеров партии, просивших о вступлении в Коминтерн. Идеологическую эклектику в программе в Москве объясняли просто: «Коммунистическая партия не может обладать четким пониманием классовой борьбы, поскольку стране не хватает традиции организации, а массы рабочих и крестьян находятся в полуневольническом состоянии».⁵⁶

То, что сама PSR публично называла себя марксистской,⁵⁷ не имело никакого значения для ИККИ, констатировавшего: «В Колумбии у нас нет никакой организации, сформированной на основе существующих профессиональных или партийных принципов».⁵⁸ Отметим, что все это происходило в 1926 году, во время революционного бурления Колумбии, стремительного роста забастовочного движения, которые, по оценке лидеров PSR и PCC, являлись апогеем революционной ситуации⁵⁹. В январе 1927 г. PSR возглавила забастовку 8 тыс. нефтяников в Барранкабермехе (разогнанную полицией), в том же месяце

⁵⁵ Там же, Л. 19.

⁵⁶ Там же, Л. 20.

⁵⁷ Там же, Л. 8, 4.

⁵⁸ Там же, д.13, л.16.

⁵⁹ Torres Giraldo, 1967.

вспыхнули стачки железнодорожников в Жирардот, Картахене и Боливаре, затем – забастовки моряков и портовых рабочих. Арест властями членов забастовки и его главы Р. Маэчи лишь углубил трудовой конфликт.⁶⁰ В ретроспективе можно увидеть, что оценки, сделанные колумбийскими сторонниками марксистов, были существенно ближе к верному пониманию действительности, нежели чем наблюдения «официальных гуру марксизма». Другое дело, что именно понимание способов осуществления революции и разделило PSR и Москву: в то время как революционные социалисты готовились к вооруженной акции, Коминтерн сомневался не только в возможности ее успеха, но и в необходимости как таковой.

В ходе VI конгресса Коминтерна, ставшего, по словам генерального секретаря Красного Интернационала профсоюзов, А.Лозовского (С.А.Дридзо), «открытием Латинской Америки», колумбийские делегаты Хорхе Карденас и Нефтали Арсе получили возможность принять участие в теоретических дебатах⁶¹, как ранее – вместе с Гильермо Эрнандесом Родригесом и Альберто Кастрильоном – на IV конгрессе Профинтерна. Впрочем, никто из них не обладал соответствующей подготовкой, а Москва и вовсе расценила их как представителей «мелкобуржуазного течения»⁶², «которые всецело находятся под обаянием буржуазно-демократической революции, которая надвигается в Колумбии» и убеждены, что «такая революция положит конец всем страданиям колумбийского пролетариата».⁶³ В то же время VI конгресс решил принять PSR в свои ряды, считая, что весь рабочий класс и все организованное профсоюзное движение Колумбии находятся под влиянием революционных социалистов.⁶⁴

В момент мощной забастовки на банановых плантациях «Юнайтед фрут», организованной руководителями PSR в районе Магдалена, которую они планировали трансформировать в политическую акцию и попытаться взять власть в Боготе,⁶⁵ не только у левых (а ассамблея PSR в июле 1928 г. прямо говорила о подготовке к революционным

⁶⁰ История Латинской Америки, 1999. С. 352.

⁶¹ Стенографический отчет, Вып. 4, с. 436.

⁶² Стенографический отчет, Вып. 5, с. 154.

⁶³ РГАСПИ, ф. 495, оп. 104, д. 20, л.30.

⁶⁴ Стенографический отчет, Вып. 5, С. 136–137.

⁶⁵ Medina, 1980. P. 131–134; Caicedo, 1977. P. 49-50; Archila Neira, Torres Cendales., 2009; Meschkat, 2009, P. 36–37.

действиям⁶⁶), но и у многих иных партий Колумбии было ощущение неизбежной близкой революции. В этот момент Коминтерн и Профинтерн непосредственно вмешались в процесс, в немалой степени повлияв на развитие колумбийского коммунистического движения.

Эмиссар Рабочей партии Америки и Коминтерна Хайме Неварес Сагер (Джеймс Хартфилд) рассматривал забастовку с точки зрения, скорее, геополитической, видя ее как «лучший пункт концентрации» в плане формирования Великой Колумбии (включающей также Венесуэлу и Эквадор).⁶⁷ Он не допускал возможности создания альянса с радикалами и резко раскритиковал PSR: «Они думают, что все, что здесь нужно – эта пара динамитных шашек и десяток интеллектуалов, проникнутых духом героизма, да тюрьмы, полные мучеников».⁶⁸ Начав формирование в Барранкилье подпольной компартии, Неварес и его сторонник Альберто Кастрильон полалаги, что PSR следует сохранить как легальное прикрытие для коммунистической деятельности, обладающее более широкой социальной базой⁶⁹, тогда как КПК была бы преимущественно пролетарской. Более сдержанную позицию занял представитель Профинтерна Октав Рабатэ («Остин»), соглашавшийся с Неваресом в необходимости разделить профсоюзную и политическую работу, но полагавший возможным опираться на PSR.⁷⁰ При этом француз Рабатэ четко повторил прежние выводы ИККИ по поводу PSR, считая, что она не соответствовала критериям Коминтерна, являлась «исключительно вождистской организацией, решающей все вопросы без дискуссии в массах». В его видении, лидера партии Томаса Урибе Маркеса (являвшегося кандидатом в члены ИККИ!) еще лишь предстояло сделать «марксистом».

На основе информации колумбийских делегатов на IV конгресс Профинтерна, писем Кастрильона и Невареса, докладов Рабатэ, Исполбюро Профинтерна сделало неутешительные выводы: «профсоюзы так плохо организованы, что почти что нельзя говорить об их существовании в плане организации».⁷¹ Причины этого ИБ ПИ усмотрело в отсутствии кадров с пролетарской идеологией и доминированием

⁶⁶ Medina, 1980. P. 125.

⁶⁷ РГАСПИ, ф. 495, оп. 104, д. 19, л. 21.

⁶⁸ Там же, л. 22.

⁶⁹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 104, д. 18, л. 10.

⁷⁰ РГАСПИ, ф. 503, оп. 1, д. 19, л. 70; ф. 495, оп. 104, д. 29, л. 1.

⁷¹ РГАСПИ, ф. 495, оп. 104, д. 20, л. 29.

в партии и НРКК интеллектуалов.

Острый политический кризис в Колумбии и широкое развертывание революционного движения в стране заставили ЮАСКИ и ИККИ, наконец, определиться, перестав ссылаться на отсутствие необходимой информации, дабы не упустить ситуацию из под своего контроля. Колумбийский вопрос был обсужден в Латиноамериканском лендерсекретариате, а затем передан в Президиум ИККИ. Итогом дебатов стала разработка ряда базовых документов, определивших на годы стратегию и тактику Коминтерна в отношении колумбийского революционного движения и планы по превращению PSR в «настоящую коммунистическую партию».

Колумбия рассматривалась в Москве как арена противостояния британского и американского империализмов: «на всю экономическую жизнь страны, а следовательно и на ее политическую жизнь, накладывает руку северо-американский империализм. Для него Колумбия – не только страна с богатейшими кадрами, но и важнейшая стратегическая позиция на Караибском море, неподалеку от Панамского канала; она как в Никарагуа дает возможность проложить новый канал между Атлантическим и Тихим океаном. <...> Английский империализм учел важное значение этой позиции и старается использовать боязнь Колумбии и перед внедрением в нее северо-американского империализма, и сопротивление масс его захватническим тенденциям для создания себе базы в Колумбии. Представители «Англо-Перимен Ойл-Компани» они же представители английского правительства – полковник Чэйто, а затем сэр Арнольд Вильсон стараются получить в Урабе нефтяные концессии, значение которых не столько в их богатстве нефтью, сколько в их стратегическом положении: они расположены на границе Панамы, в районе, где можно прорыть новый канал. Таким образом, Колумбия стала ареной борьбы английского империализма с северо-американским, борьбы не только за овладение колумбийской нефтью, но и за гегемонию в Центральной Америке и Латинской Америке вообще».⁷²

Обушившись на американский империализм (который, по оценке III Интернационала, являлся детерминирующим фактором в политической жизни Колумбии), Президиум Коминтерна в своем письме в ЦИК PSR указал, что промышленное развитие страны увеличивало ее зависимость от империализма и вело к неизбежному ее превращению

⁷² РГАСПИ, ф. 495, оп. 104, д. 24, л. 49–50.

в колонию мощного северного соседа.

В письме отмечалось: «Колумбия быстрым темпом переходит от полуфеодалного чуть ли не крепостнического строя сельскохозяйственного производства к современному капиталистическому способу производства, неразрывно связанному со всей системой одного развитого капитализма. Таким образом, мы видим в Колумбии целый ряд наслоений в области экономических отношений от “trata de indios”, и барщины до современного рационализованного предприятия». <...> Колумбия приступила к эксплуатации крупных богатств, заложенных в ее недрах, и в частности огромных запасов нефти. Быстрое развитие промышленного производства, явившееся результатом этой разработки недр, повлекло за собой соответствующий рост путей сообщения и лихорадочно быстрое развертывание крупных общественных работ. <...>. Но этот быстрый подъем промышленного производства вызван не ростом благосостояния и накопления капитала внутри страны, а массовым экспортом северо-американского финансового капитала для разработки естественных богатств страны».⁷³

Коминтерн предостерег PSR от «либеральных иллюзий» о том, что помощь со стороны Великобритании может помочь избавиться от гнета американского империализма. Вместо этого Президиум требовал бороться против всех империализмов, создавая рабоче-крестьянское правительство, тесно увязывая освободительное движение внутри страны с антиимпериалистической борьбой других латиноамериканских стран.⁷⁴

По оценке Коминтерна, пауперизация городской и мелкой буржуазии обуславливали «определенно антиимпериалистическую ориентацию последней, сочувствие и поддержку, оказываемую ею стачечному движению пролетариата и прикрывающимся революционной фразеологией и революционными жестами левым либеральным лидерам».⁷⁵ В этой ситуации, полагали в Москве, два империализма «усугубляют политическую неустойчивость в стране», подкупая политиков и превращая их в своих лоббистов, провоцируя конфликты и создавая «предлог для интервенции».⁷⁶

В Коминтерне не сомневались в росте антиимпериалистического

⁷³ Там же, Л. 47.

⁷⁴ Там же, Л. 49–50.

⁷⁵ Там же, Л.51.

⁷⁶ Там же, Л. 53

движения и в том, что оно будет охватывать все более широкие слои населения, а, следовательно, будет и шире разворачиваться классовая борьба «сельских рабочих и безземельных крестьян с крупными землевладельцами, борьбы рабочих с иностранными и отечественными предпринимателями, борьба мелкой буржуазии, которая, объединившись, несмотря на свои постоянные колебания и шатание, сможет стать союзником пролетариата и крестьянства в их борьбе с империализмом. Забастовка на банановых плантациях показала, что при неустойчивой ситуации и в обстановке нынешнего латентного кризиса это движение может принять характер массовой революционной борьбы».⁷⁷

Высшее руководство III Интернационала не увидело в Колумбии ни революционной, ни хотя бы предреволюционной ситуации, считая, что страна лишь столкнулась с финансовым и политическим кризисом. Они настаивали, что для трансформации этого кризиса в революционную ситуацию, могущую сотрясти правительство крупных землевладельцев, связанных с империализмом, PSR должна обратиться против него недовольство крестьянских масс и широких пролетарских слоев, а также групп мелкой буржуазии. Президиум ИККИ опасался поддержки забастовок частью руководства Либеральной партии, считая, что те намерены использовать революционные настроения масс в собственных интересах, и потребовал от PSR занять «абсолютно независимую позицию», отмежевавшись, в первую очередь, от левых либералов. По оценке Коминтерна, ошибка PSR заключалась не в их ориентации на прямое действие, а в отсутствии серьезной подготовке в прочих регионах страны и в армии, чтобы обеспечить кампанию солидарности с забастовщиками, главной причиной этого Москва назвала восприятие революции как «легкой и простой вещи».⁷⁸

Коминтерн потребовал решительно отойти в сторону от «умирающего либерализма и его лирической революционной фразеологии», разработав чисто коммунистическую идеологию партии.⁷⁹ Речь шла о повторении в Колумбии модели разрыва между социал-демократами и коммунистами, но за неимением социал-демократов их место было отведено либералам. PSR надлежало превратиться в пролетарскую, классовую партию, порвать с «мелкобуржуазным прошлым» и «за-

⁷⁷ Там же,

⁷⁸ Там же, Л. 64.

⁷⁹ Там же, Л. 66–67.

быть его».

Одновременно с этим секретным документом ИККИ выпустил текст «Воззвания к рабочим, крестьянам и всем трудящимся Колумбии», опубликованным от имени Латиноамериканского лендер-секретариата (в котором не перечислялись организационные директивы, направленные революционным социалистам). Говоря о «титанической борьбе 32 тыс. рабочих на банановых плантациях» как о ярком проявлении классовой борьбы, Президиум ИККИ обвинил PSR в неспособности возглавить широкие революционные массы, которые хотели идти за PSR.⁸⁰ Не занимаясь серьезным научным анализом сходства и различий между революционными процессами в Колумбии и России, на основе неполной и не всегда достоверной информации, Президиум ИККИ потребовал от колумбийских пролетариев идти по «единственно возможному пути» – повторить российский революционный опыт.

В воззвании утверждалось: «Объединенным силам североамериканского империализма и крупно-помещичьего правительства Колумбии удалось огнем и мечом сломить стачку. В данный момент побежденные военной силой, рабочие плантаций вернулись к тяжкому труду, понеся многочисленные жертвы, павшие от рук Колумбийского правительства, стоящего на страже чудовищных прибылей магнатов Уолл-стрита. Но рабочий класс разбит не окончательно, он возьмет реванш, если сумеет извлечь урок из этой грандиозной борьбы революционного класса, чтобы возобновить борьбу с уверенностью в победе».

Коминтерн настаивал на невозможности ждать помощи и солидарности ни от правительства, ни от иных политических сил страны кроме PSR: «от правительства Колумбии, от буржуазно-консервативных или либеральных – политиков, от левых либеральных лидеров, становящихся в позу революционеров, чтобы использовать угнетенные массы, а затем их обмануть, рабочие и крестьяне Колумбии могут ждать лишь удара. <...> Чтобы оградить интересы «Юнайтед Фрут Компани» и дивиденды хищников с Уолл-стрита, чтобы закрепить империалистический гнет, тяготеющий над рабочими и крестьянами Колумбии, правительство двинуло свою армию против трудящихся Колумбии». <...> Из боязни военной интервенции сев. американского флота либералы жаждали и приветствовали вмешательство колумбий-

⁸⁰ Ibid., д. 22, Л. 37–40.

ской армии в конфликт. Они обнаружили себя подлыми и трусливыми мешанами, готовыми капитулировать перед империализмом и выдать ему с головой рабочий класс».⁸¹

Полгода спустя письмо Президиума было рассекречено и опубликовано в журнале ЮАСКИ «Корреспонденция Судамерикана»,⁸² превратившись в ключевой документ в деле реорганизации партии, начатой на Первой конференции компартий Латинской Америки в Буэнос-Айресе. В ходе бесед в аргентинской столице делегаты ИККИ в ЮАСКИ Э. Дженнари («Росси»), З. Рабинович («Пьер») и О. Рабатэ отметили, что PSR является конгломератом фракций, а не единой партией. Секретарь ИККИ Ж. Эмбер-Дро указал на «отсутствие в партии настоящей коммунистической идеологии», согласившись при этом с ошибочностью прежних оценок, сделанных Коминтерном, по поводу отсутствия в Колумбии революционной ситуации. Он признал, что трудящиеся страны готовы к борьбе и обладают недооцененным Москвой боевым духом.⁸³ Но именно возникшее ощущение возможности революционного взрыва еще больше насторожило Коминтерн по поводу неготовности колумбийской секции к организации революции.

В итоге III Интернационал взял реорганизацию партии в свои руки, направив в Колумбию делегацию (американец Джозеф Зак («Корнфедер»), колумбиец Гильермо Эрнандес Родригес и его жена, венесуэлка Кармен Фортуль), задачей которой было сформировать компартию и поставить ее под неусыпный контроль Коминтерна. В своем письме Президиум ИККИ перечислил «тяжелые ошибки» руководителей PSR: не сообщить активистам партии резолюции первой конференции компартий Латинской Америки, завершить забастовку на банановых плантациях без предварительной широкой кампании солидарности по всей стране, интервью буржуазной прессе, просьба к правительству о сокращении масштаба репрессий, ошибочная концепция о возможности военного блока с либеральными генералами⁸⁴. То, что раньше считалось «болезнью роста», превратилось в «тяжелые ошибки».

⁸¹ Там же, Л. 37–39.

⁸² Carta de la IC al PSR de Colombia // La Correspondencia Suramericana. 1929. № 12–14.

⁸³ Коминтерн, 1998. С. 108, 118.

⁸⁴ РГАСПИ, ф. 495, оп. 104, д. 27, Л. 7.

В последующие месяцы PSR ждала масштабная реорганизация: в партии сократилось влияние интеллектуалов, в регионах и в центре было резко увеличено число рабочих в руководстве, многие прежние активисты были нещадно вычищены из партии несмотря на прежние заслуги. Любые попытки выстраивать широкие альянсы превратились в часть «забытого прошлого».⁸⁵

Важным моментом для колумбийского левого движения стал военный конфликт между Перу и Колумбией, стартовавший в 1932 г. с захвата перуанцами спорного порта Летисия⁸⁶ Перу в этот момент настаивала на пересмотре договора Саломона-Лосано (1922 г.). К тому времени компартии региона привыкли к роли защитников СССР от иностранного империализма (который был и их врагом) и были готовы противостоять попыткам развертывания империалистической войны на мировой периферии.⁸⁷ Локальные военные конфликты также рассматривались сквозь оптику глобальной войны и тезиса о соперничестве британского и американского империализмов. Поддержка национальных правительств в военном вопросе в рамках этой логики была исключена, поскольку рабочим и крестьянам нечего было защищать под своими национальными знаменами, нация виделась как искусственное изобретение с целью передачи ресурсов под контроль буржуазии.

Для РСС война выглядела как защита компании «Каса Арана», занимавшейся добычей каучука, а порт Летисия – как феодал кампани, к которому колумбийское государство имело лишь формальное отношение.⁸⁸ Соответственно, коммунисты полностью отвергали эту войну, заявляя: «родина – это защита определенных капиталистических интересов, ограниченных таможенными и границами <...> У тех, кто умирает с голода, родины нет».⁸⁹ При этом и колумбийский президент Энрике Олайя Эррера, и его перуанский коллега Санчес Серро рассматривались как агенты одного и того же империализма – империализма США. Лишь ближе к концу войны Альфредо Лопес Пумарехо (будущий президент), направленный на переговоры с Перу, был квалифицирован РСС как агент британского империализма (такой же

⁸⁵ Подробнее см.: Meschkat, K.. Rojas, J.M., 2009.

⁸⁶ Donadío, 2002; Medina, 1980, P. 182–189

⁸⁷ *Tierra*, 2 ag. 1932. P. 3; *Tierra*, 26 ag. 1932. P. 1, 7.

⁸⁸ *Tierra*, 10 sept. 1932. P. 1.

⁸⁹ *Tierra*, 13 sept. 1932. P. 1

оценке удостоилась и Лига наций).⁹⁰ Коммунисты призывали саботировать мобилизацию, создавать антивоенные комитеты, а колумбийских солдат – брататься с перуанскими. В то же время РСС жаловалась Коминтерну на отсутствие связи с перуанской компартией и просила помочь такую связь установить.

III Интернационал, в свою очередь, предложил обеим партиям вернуть работу среди индейских масс в приграничных районах Амазонии. РСС немедленно ответила указав на «сложности» для ведения такой работу ввиду «дикого или полудикого состояния этих масс».⁹¹

Особого отклика среди колумбийских рабочих позиция ИККИ и РСС не нашла, большинство профсоюзов испытывали патриотические настроения. Кое-какую работу коммунистам удалось развернуть среди опасавшихся мобилизации крестьян. Одновременно РСС оказалась под давлением со стороны прессы и правительства, обвинивших коммунистов в предательстве родины. Правительство Э.Олайи Эрреры запретило распространение «антипатриотических» воззваний, затем начались прямые преследования активистов РСС.

Позиция партии мало изменилась и к окончанию войны. РСС не доверяло дипломатическим переговорам, которые велись в Бразилии, и негативно оценила подписанный в мае 1934 г. «Протокол Рио-де-Жанейро», который был ратифицирован парламентом в сентябре 1935 г. Договор, подтверждавший колумбийский суверенитет над Летисией, был, по сути, повторением пакта Лосады-Саломона.⁹² Эти детали Коминтерн и РСС волновали мало: Протокол рассматривался как ширма для прикрытия военных маневров колумбийского и перуанского правительств, а также американского империалистического вмешательства, желавшего покончить с революционным движением, а также укрепиться на Тихоокеанском побережье для противостояния Японии.⁹³

Позиция партии была следствием оценок, сделанных в далекой Москве. Так, в январе 1934 г., после XIII пленума, Президиум ИККИ обратился с письмом к своей колумбийской секции, указывая, что «пожар новой мировой войны разгорается в бассейне Тихого океана», «одним из объектов грядущей империалистической войны является

⁹⁰ Meschkat, K., Rojas, J.M., 2009. P. 727, 761.

⁹¹ Ibid., P. 729.

⁹² Donadio, 2002, P. 255–270; Camacho, 2016, P. 18–23.

⁹³ *Tierra*, 16 feb. 1935. P. 3; *Tierra*, 24 sept. 1935. P. 3-4

континент Южной Америки. <...> Империалистической является также и война между Колумбией и Перу. Господствующие классы обеих стран и их правительства пытались в этой войне найти выход из внутренних экономических и политических трудностей, стремясь скорее разжечь войну и представляя ее как «оборонительную» и «национальную». Но в то же время колумбийские помещики и буржуазия являлись в этой войне агентурой САСШ, тогда как за спиной перуанских эксплуататорских классов стояла Англия и особенно Япония. Временное соглашение и переговоры в Рио-де-Жанейро так же непрочны, как и все соглашения между империалистическими хищниками. <...>⁹⁴

Коминтерн достаточно жестко оценил положение в РСС, хотя и признал, что большинство ее «не поддалось волне шовинистической агитации, хлынувшей по всей стране. Местные парторганизации, правда, далеко не достаточно, но все же возглавляли и организовывали движение рабочих и крестьянских масс, стихийно противившихся войне. В ряде крупных городов состоялись антивоенные демонстрации, проводилась хорошая агитация против войны и военных налогов, и в некоторых районах вербовка индейцев в армию была отменена главным образом из-за деятельности коммунистов». III Интернационал считал, что все это происходило «без всякого руководства со стороны ЦК партии, которая в январе 1933 г. не смогла дать адекватную оценку собственному правительству, а Г.Эрнандес Родригес, недавний выдвиженец ИККИ, и вовсе «предал дело рабочего класса, позорно бежал со своего поста».⁹⁵ Причины этого Коминтерн увидел, однако, не в проведенных при его активном участии преобразованиях, а в «неизжитом наследстве социалистической революционной партии» и во влиянии «буржуазно-помещичьего либерализма внутри партии». В Москве отмечали активизацию выступлений рабочих и крестьян и числа стачек, но опасались их использования «буржуазными демагогами», от ««левого» либерала» Хосе Мара до «копирующего фашистов Гайтана». Аппарат Коминтерна не верил в «прожекты социальных реформ», которые предлагало правительство через Мара и Гайтана, считая это ширмой для прикрытия репрессивной политики.⁹⁶ По

⁹⁴ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 20. Д. 357. Л.103.

⁹⁵ Там же. Л. 104.

⁹⁶ Там же. Л. 106.

оценке III Интернационала, Колумбия стояла накануне «взрыва классовых битв» и «новой попытки войны», в этих условиях Москва требовала от колумбийской секции в кратчайший срок стать «массовой партией пролетариата и сплотить вокруг себя широчайшие массы трудящихся, в первую голову, крестьян и индейцев», организовать партструктуры на крупных предприятиях, в районах наибольшего размаха стачек. Коминтерн добивался еще большей пролетаризации руководства, принимать в партию «только проверенных» интеллигентов и «окончательно освободиться от наследства старой социалистическо-революционной организации, в частности от большого числа либерально-интеллигентских прохвостов, проникших в партию и использующих ее в своих личных карьеристских целях». Не допускалось и мысли о союзе с либералами, против которых, напротив, коммунистов обязывали направить острие критики. Коммунистам предлагалось не ограничиваться «частичными требованиями» крестьянства, а немедленно выдвинуть лозунг безвозмездной конфискации всех латифундий, помещичьих и церковных земель» с их передачей революционным крестьянским комитетам. Документ анализировал опыт советских районов Китая и прямо указывал, что этот опыт не будет чуждым и для Колумбии.⁹⁷

VII конгресс Коминтерна и провозглашение политики «Народного фронта» в известной степени начали реабилитацию патриотизма. В 1936 г. коммунист Луис Видалес уже говорит о необходимости «противопоставить «боливарианскому идеалу Лопеса Пумарехо (такому же как у его хозяина Рузвельта: объединить страны под влиянием американского империализма против британского) создание «антиимпериалистической Великой Колумбии». Такой антиимпериалистический патриотизм облегчал поиски путей к формированию в стране подобия Народного фронта. Позднее РСС даже в определенной степени проявила готовность к компромиссу с панамериканизмом, если речь идет о «борьбе за демократию, мир и прогресс». О борьбе за демократию, независимость и против фашизма Коминтерн и КПК решительно заявили и во время гражданской войны в Испании.⁹⁸

Интересны в этом плане оценки, сделанные в информдокладе «С.Ортеги» (С.Пестковского), который отмечал: «Колумбия, как непосредственный сосед Панамского канала – находится на особом

⁹⁷ Там же. Л. 111–113.

⁹⁸ Bushnell, 2006, P. 155.

счета у США». Ортега традиционно указывал на тесную связь Консервативной партии с США. Новым стало признание распространения антиимпериалистических настроений внутри соперничающей с ними Либеральной партии. При этом автор отмечал отличие Колумбии от Мексики, где среди либералов «давно произошла дифференциация и где национал-реформизм оформился уже в 1914 г., колумбийские либералы вступают на путь национал-реформизма лишь недавно, после победы на выборах 1933 г. Лидер их, нынешний президент Колумбии, Альфонсо Лопец устанавливает дипломатические отношения с СССР (1933 г.) легализовал компартию и стремится взять в свои руки рабочее движение». Новые времена, наступившие в Коминтерне после перехода к политике Народного фронта, заставляли отказаться от прежних оценок, сделанных в отношении левых либералов как «агентов империализма и фашизма».

В докладе критиковались колебания колумбийских властей по аграрному вопросу и по вопросу внешней политике: «Аграрная реформа делает лишь первые, робкие шаги – до сих пор дали крестьянам лишь незначительное количество «свободных земель», занимающие огромные пространства иностранные концессии не тронуты. Индейцы ничего еще не получили и находятся в очень угнетенном положении. Владения помещиков еще почти не тронуты. В этом году заключен коммерческий договор между Колумбией и США, невыгодный для Колумбии».

Пестковский уже традиционно для Коминтерна раскритиковал наследие PSR внутри PCC, приписав социалистам-революционерам и то, что «в ней верховодили правые», которые встали на «оборонческую позицию» в момент начала конфликта с Перу. Конечно же, Г. Эрнандес Родригес ни в коей мере не являлся правым, а на руководящие посты был выдвинут III Интернационалом, однако Москва не хотела признать свои ошибки даже во внутреннем, не предназначенном для публикации докладе.

Ортега-Пестковский решительно обрушился на другую крайность в политике PCC – «крайний левацкий уклон», который олицетворялся И.Торресом Хиральдо («Кано»), выпускником МЛШ и бывшим работником («под руководством Синани и Гуральского») аппарата ИККИ.⁹⁹ «прибыв на место и попав вскоре на пост ген. секретаря партии, Кано начал загибать влево на всех парах. Характерно то обстоятель-

⁹⁹ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 20. Д.358. Л. 6–7.

ство, что даже уже после VII конгресса ЦК КП Колумбии под руководством Кано был против единого [фронта] с либералами Лопеса, характеризуя их в партийной печати, как не столь типичных лакеев империализма». Торрес Хиральдо, конечно же, всего лишь дисциплинированно выполнял полученные в Москве установки и не успел перестроиться. Но именно это теперь и вызывало недовольство в Коминтерне, добивавшемся формирования Народного фронта и в Колумбии. Ортега увидел признаки его рождения в том, что президент А. Лопес Пумарехо приветствовал с балкона президентского дворца первомайскую демонстрацию трудящихся, в ходе которой коммунист Хильберто Виейра прямо подчеркнул, что манифестация – «рождение единого фронта для борьбы против реакции». Автору доклада импонировало то, что Лопес Пумарехо договорился с президентом Мексики Л. Карденасом о координации действий двух стран на предстоящей 1 декабря 1936 г. Панамериканской конференции.

Доклад оптимистически отмечал «значительное влияние» РСС, особенно в индейских районах, но критиковал слабость ее руководства, считая «единственным надежным человеком» бывшего делегата VII конгресса Коминтерна «Рене» (Рафаэля Бакеро), над которым «много поработал т. Ван Мин».

В целом анализ, сделанный Ортегой, обходил стороной любые намеки на возможность ошибок, допущенных самим Коминтерном, выпячивая самые незначительные события как индикаторы неизбежного формирования Народного фронта. Этот документ, как и целый ряд прежних оценок Коминтерна, сделанных в отношении Колумбии, не столько отражали реалии южноамериканской страны, сколько создавали иллюзорную картину, которую руководству III Интернационала было удобнее видеть.

БИБЛИОГРАФИЯ

История Латинской Америки. 1918-1945. М.: Наука, 1999.

Коминтерн и Латинская Америка. Сб. документов. М.: Наука, 1999 [.

Стенографический отчет VI конгресса Коминтерна. Вып. 4-5. М.–Л., Госиздат, 1929.

Хейфец В.Л., Хейфец Л.С. Формирование и развитие латиноамериканского левого движения в 1919-1929 гг. СПб.: ГУАП, 2012.

Archila Neira M. y Torres Cendales L.J. Bananeras: Huelga y Masacre. 80 Años. Bogotá, 2009

- Bushnell D.* La Guerra Civil Española, 1936–1939: perspectivas colombianas // Ensayos de historia política de Colombia: siglos XIX y XX. Medellín: La Carreta Editores E.U, 2006, p. 155-195.
- Caicedo E.* Historia de las luchas sindicales en Colombia. Bogotá: Fondo Editorial Suramérica, 1977
- Camacho C.* El conflicto de Leticia (1932–1933) y los ejércitos de Perú y Colombia. Bogotá: Universidad Externado de Colombia., 2016.
- Donadio A.* La guerra con el Perú. Bogotá: Hombre Nuevo Editores, 2002.
- Jeifets, V., Jeifets, L. América Latina en la Internacional Comunista, 1919–1943. Diccionario Biográfico. Santiago: Ariadna, 2015.
- Jeifets V.* El impacto de la Comintern a las transformaciones de la izquierda colombiana en la década de los veinte // ЭНОЖ «История», 2018, №3(67).
- Kheyfets L., Kheyfets V.* El Partido Comunista Colombiano, desde su fundación y orientación hacia la “transformación bolchevique // Anuario Colombiano de Historia Social y de la Cultura, 2001, N.28.
- Medina M.* Historia del Partido Comunista de Colombia. Tomo 1. Bogotá, Editorial Colombia Nueva, 1980
- Meschkat, K., Rojas J.M.* (comp.) Liquidando el pasado. La izquierda colombiana en los archivos de la Unión Soviética. Bogotá: Taurus, 2009
- Meschkat K.* Marxismus in Kolumbien. Zur verhältung von revolutionstheorie und sozialer bewegung. Hannover, 1980
- Torres Giraldo I.* «Repercusión de Octubre en las luchas de Colombia»// Documentos Políticos, №70, octubre-noviembre de 1967.
- Treinta Años de la Lucha del Partido Comunista de Colombia. Bogotá: Ediciones Los Comuneros, s.f.

REFERENCES

- Archila Neira M. y Torres Cendales L.J.* Bananeras: Huelga y Masacre. 80 Años. Bogotá, 2009
- Bushnell D.* La Guerra Civil Española, 1936-1939: perspectivas colombianas // Ensayos de historia política de Colombia: siglos XIX y XX. Medellín: La Carreta, 2006, P. 155-195.
- Caicedo E.* Historia de las luchas sindicales en Colombia. Bogotá: Fondo Editorial Suramérica, 1977
- Camacho C.* El conflicto de Leticia (1932–1933) y los ejércitos de Perú y Colombia. Bogotá: Universidad Externado de Colombia., 2016.
- Donadio A.* La guerra con el Perú. Bogotá: Hombre Nuevo Editores, 2002.

- Historia de Latinskoi Ameriki. 1918–1945. M., Nauka, 1999 [The History of Latin America].
- Jeifets V.* El impacto de la Comintern a las transformaciones de la izquierda colombiana en la década de los veinte // Электронный научно-образовательный журнал «История», 2018. №3(67).
- Jeifets, V., Jeifets, L.* América Latina en la Internacional Comunista, 1919–1943. Diccionario Biográfico. Santiago: Ariadna, 2015.
- Jeifets, V.L., Jeifets, L.S.* Formirovaniie i razvitiie latinoamerikanskogo levogo dvizheniia v 1919-1929 gg. T. 1. St. Petersburg, GUAP, 2012 [The Formation and Development of the Latin American Left-Wing Movement in 1919-1929].
- Kheyfets L., Kheyfets V.* El Partido Comunista Colombiano, desde su fundación y orientación hacia la “transformación bolchevique // Anuario Colombiano de Historia Social y de la Cultura, 2001, N.28.
- Komintern i Latinskaia Amerika.* Sb. dokumentov. M., Nauka, 1999 [The Comintern and Latin America. Collection of Documents].
- Medina M.* Historia del Partido Comunista de Colombia. Tomo 1. Bogotá, Editorial Colombia Nueva, 1980
- Meschkat K.* Marxismus in Kolumbien. Zur verhältung von revolutionstheorie und sozialer bewegung. Hannover, 1980
- Meschkat, K., Rojas J.M.* (comp.) Liquidando el pasado. La izquierda colombiana en los archivos de la Unión Soviética. Bogotá: Taurus, 2009
- Stenograficheskii otchet VI Kongressa Kominterna. Vyp. 4-5, M., Gospolitizdat, 1929 [The stenographic reports of the VI Congress of the Comintern].
- Torres Giraldo I.* «Repercusión de Octubre en las luchas de Colombia»// Documentos Políticos, №70, octubre-noviembre de 1967.
- Treinta Años de la Lucha del Partido Comunista de Colombia. Bogotá: Ediciones Los Comuneros, s.f.

*В.П.Казак*¹⁰⁰
V.P. Kazakov

Истоки советской историографии Колумбии¹⁰¹

The origins of the soviet historiography of Columbia

Аннотация: В статье рассматриваются работы советских латиноамериканистов в 1920–1930-е годы. Особое внимание уделяется их оценке социально-экономической структуры Колумбии, роли латифундизма и иностранного капитала.

Ключевые слова: Колумбия, империализм, латифундизм, социально-экономическая структура. Зависимость, Юнайтед Фрут Компани

Abstract: This article analyses the works of the soviet Latino Americans in the 1920–1930 years. Special attention is paid to the appreciation of the social-economic structure of Columbia, the role of foreign capital and latifundism.

Keywords: Columbia, imperialism, latifundism, dependence, social-economic structure, United Fruit Company

Изучение Колумбии началось в конце 1920-х гг. В советских периодических изданиях ("Аграрные проблемы", "Международное рабочее движение"), а также "Коммунистический интернационал", "Красный интернационал профсоюзов" стали появляться материалы и статьи о положении в Колумбии, прежде всего по аграрному вопросу, чему способствовало создание в рамках Международного аграрного института (МАИ) специальной латиноамериканской секции. В начале 30-х

¹⁰⁰ *Владимир Петрович Казак* – доктор исторических наук, Институт всеобщей истории РАН. *Vladimir P. Kazakov* – doctor in history, Institute of World History RAS.

¹⁰¹ Данное выступление подготовлено при поддержке РФФИ, грант № 18-09-00021, «История Колумбии, с древнейших времен до начала XXI века».

гг. при колониальном секторе Института мирового хозяйства и мировой политики Коммунистической академии был организован кабинет Южной и Карибской Америки, на протяжении ряда лет являвшийся центром советской латиноамериканистики. Тогда же был издан ряд сборников статей, в которых, наряду с другими латиноамериканскими странами, было уделено место и Колумбии.

В центре внимания советских авторов находились социально-экономические проблемы Колумбии, социально-классовая структура страны, роль иностранного капитала, место Колумбии в мировой экономике и политике, общая характеристика общественно-экономического строя страны.

Интерес к Колумбии носил не только научный, но и практический интерес – возросшая роль после Первой мировой войны Колумбии в мировой экономике. Почти забытая и ничего не значащая страна, по словам Генриха Я-н (Якобсона), автора первой обстоятельной работы о Колумбии, вдруг обратила на себя внимание. Генрих Я-н и другие советские авторы (М. Коган, В. Турок) связывали возросшую роль Колумбии на мировой арене с внешним фактором: началом экспансии США и обострение в связи с этим межимпериалистической борьбы за Латинскую Америку, прежде всего между Англией и США.

Колумбия оказалась в центре межимпериалистической борьбы в силу своих огромных природных богатств и выгодного географического положения. По размерам территории Колумбия занимала третье место среди южноамериканских стран (после Бразилии и Аргентины) и четвертое – по своему экономическому потенциалу (после Аргентины, Бразилии и Чили). Непосредственное соседство с Панамским каналом и относительная, по сравнению с другими южноамериканскими странами, близость не только к США (1790 миль), но и к Европе (5000 миль), придавали Колумбии важное военно-стратегическое значение. Страна обладала всеми необходимыми предпосылками для успешного экономического развития. Этому способствовали огромные природные богатства: залежи нефти, угля, руды, золота, платины, а также благоприятные природно-климатические условия, позволяющие выращивать различные сельскохозяйственные культуры, начиная с кофе, бананов, сахарного тростника, хлопка, каучуковых деревьев и кончая пшеницей, рожью, овсом.

До начала XX столетия все эти богатства разрабатывались в очень незначительной степени. Только начиная с Первой мировой войны, заключал Генрих Я-н, "народное хозяйство Колумбии все теснее свя-

зывалось с мировым рынком, становясь составным элементом мирового разделения труда"¹⁰². Прежде всего это проявилось в росте внешней торговли, которая за 1905–1927 гг. выросла в 10 раз. "Мало найдется стран, – утверждал Генрих Я-н, – которые могут этим похвастаться"¹⁰³.

Вместе с тем структура внешней торговли свидетельствовала, что на мировом рынке Колумбия выступала экспортером сырья, сельскохозяйственных продуктов и импортером промышленных изделий. В экспорте на первом месте был кофе, затем шли бананы, платина и золото. С 1926 г. начался экспорт нефти, который до этого тормозила удаленность месторождений от побережья, и стал возможным со строительством нефтепровода. Первое место в импорте занимали текстильные изделия, второе – машины и оборудование для развития экспортных отраслей сельского хозяйства и горной промышленности. Страна превратилась в аграрно-сырьевой придаток развитых капиталистических стран.

Экономическое развитие Колумбии шло не только в интересах иностранного капитала, но и под его контролем. В его собственности находились добыча нефти, платины, выращивание бананов. Косвенно – кофейное производство, пути сообщения, кредитно-финансовая система.

Генрих Я-н не отрицал, что Колумбия развивалась и развивалась быстрыми темпами, но весь "экономический расцвет" не содействовал экономической независимости страны, поскольку развитие шло односторонне: развивались лишь те отрасли, в которых был заинтересован иностранный капитал. Это делало страну чувствительной не только к капризам мирового рынка, но и к давлению империалистических стран. Колумбия наряду с другими латиноамериканскими странами, стала полуколонией империалистических государств.

Этот вывод прямо вытекал из господствовавшего в советском общественном сознании того времени взгляда на страны Латинской Америки как полуколонии. Выделение их в категорию полуколоний, объяснялось следующим образом. С одной стороны, латиноамериканские страны были политически независимыми государствами, что отличало их от стран Азии и Африки, являвшихся колониями европейских

¹⁰² Генрих Я-н. Колумбия и северо-американский империализм // Аграрные проблемы. 1929. № 4. С. 72.

¹⁰³ Там же. С. 73.

держав. С другой стороны, их экономика, как и экономика афро-азиатских стран, носила колониальный характер. Это выразалось в том, что все их командные экономические высоты (заводы, фабрики, транспорт, банки, внешняя торговля, плантации) почти целиком принадлежали иностранному капиталу. Поэтому они являлись не столько средствами самостоятельного экономического развития этих стран, сколько средствами извлечения прибыли для иностранного капитала. Будучи важнейшей сферой для вывоза капиталов, эти страны являлись вместе с тем огромным сырьевым придатком и рынком сбыта промышленных товаров для империалистических государств¹⁰⁴.

Почему латиноамериканские страны, завоевавшие политическую независимость еще в начале XIX в., не смогли развиваться по пути экономической независимости? Причины этого, по мнению всех советских латиноамериканистов, носили исторический характер и коренились в аграрном строе, установленном испанцами. Применительно к Колумбии Генрих Я-н объяснял это следующим образом. Вместе с конкистой испанцы принесли сюда и феодально-крепостнические формы эксплуатации, насаждая феодальные поместья – энконьенды. Барщина и оброк применялись не только в сельском хозяйстве, но и в добыче драгоценных металлов.

Завоевание независимости радикально не изменило существовавшее в колониальной период распределение земельной собственности. Аграрный вопрос остался нерешенным ни непосредственно после борьбы за независимость, ни в дальнейшем. Автор не брался за выяснение причины этого, возможного лишь на основе серьезного марксистского изучения социально-исторического развития Колумбии, что являлось, естественно, вопросом будущего. По его собственным словам, он ограничился соображениями самого общего и гипотетического характера.

Самая общая схема "философии истории" Колумбии рисовалась ему следующим образом. Обретя независимость, страна стала ареной длившейся десятилетиями гражданской войны. Социальным содержанием ее он полагал борьбу нарождавшейся буржуазии, а иногда и крестьянских масс, против феодальной и рабовладельческой системы, унаследованной от испанского владычества. Отсталость страны и связанная с этим слабость и распыленность прогрессивных сил привели к

¹⁰⁴ Марков И.Г. Полуколониальная зависимость стран Южной и Караибской Америки // Проблемы Южной и Караибской Америки. М., 1934. С. 34–35.

безуспешности всех этих попыток. Борьба приобрела специфический характер: столкновения в политической надстройке не влекли за собой перемен в социально-экономической базе колумбийского общества. В Колумбии укоренилась крупная помещичья собственность.

Была ли возможна альтернатива помещичьему пути аграрного развития? Генрих Я-н связывал ее с попытками "независимой крестьянской колонизации" незанятых земель в стране с огромной территорией и редким населением. Борьба между помещичьей и крестьянской колонизацией незанятых земель получила символическое название борьбы "между гербовой бумагой и топором". В большинстве случаев победителем выходила "гербовая бумага".

Почему? Прежде всего помещики боролись с крестьянскими укладами, которые лишали их дарового труда, подрывали их благосостояние. Частично недостаток рабочей силы возмещался ввозом рабов. Но развитие рабства приходилось на период предшествовавший бурному развитию экспортных культур, когда Колумбия была страной с относительно изолированным хозяйством.

Но никакое крепостничество, по мнению автора, не могло приостановить бегство крестьян. В качестве примера он приводит Московскую Русь, где холопы бежали на юг и восток в степные районы. Но в Колумбии это было невозможно из-за специфических географических условий, т.к. свободные земли нуждались в предварительной мелиорации, что было недоступно для мелких земледельцев. К тому же отсутствие дорог делало эти земли недоступными для освоения отдельными производителями.

Поэтому в Колумбии свободной пахотной земли не было, либо она была захвачена помещиками. С помощью гербовой бумаги, земельных богов и связей в высших эшелонах власти помещики захватывали впрок все плодородные и близкие к рынкам земли, оставляя их на долгое время необработанными, в ожидании повышения цены на них в будущем.

Автор связывал рост крупного землевладения с развитием экспортных культур, главным образом кофе. С ростом цены на землю усилилась погоня помещиков за землей, и они стали изгонять индейцев с их земли. Целая серия законов 1919, 1920, 1921 и 1927 гг. санкционировала захват ими общинных земель индейцев.

Земли индейцев экспроприировались также для нужд железнодорожных, нефтяных и др. компаний. Все это напоминало времена первоначального накопления капитала.

Развитие капитализма в сельском хозяйстве началось с разведения кофе. Кофейное производство, начавшееся в 1870-е годы, быстро заняло прочное место не только в народном хозяйстве Колумбии, но и в мировой экономике. Оно носило целиком товарный характер, использовало большое количество наемного труда и именно в этой отрасли, по мнению автора, дальше всего зашел процесс превращения феодалов и полуфеодалов землевладельцев в аграрную буржуазию, что не исключало широкого использования ею феодально-крепостнических методов эксплуатации.

Эти методы сводились к следующему. Крестьяне получали в пользование небольшой участок земли. За это они должны были бесплатно работать на помещика не менее месяца в году. Генрих Я-н характеризовал этот метод как отработочную ренту, являвшуюся, по сути, видоизмененной формой крепостнической барщины. Помимо этого существовали разнообразные формы сдачи крестьянам в аренду как земли с обязательством выращивать кофе, так и участки с уже посаженными кофейными деревьями с обязательством продавать весь урожай помещику по низким ценам.

Несмотря на тяжелое положение крестьян-арендаторов, в их среде шел процесс капиталистической дифференциации: помимо разорения большинства крестьян, выделялась прослойка капиталистических предпринимателей.

Основной формой производства в кофейной отрасли продолжало оставаться помещичье хозяйство. Переход к разведению кофе сопровождался определенным дроблением латифундий. В Колумбии, как отмечал Генрих Я-н, не было таких огромных плантаций кофе, как в Бразилии, однако, крупное землевладение продолжало существовать.

Происходило "сращивание" кофейных аграриев с государственной властью, что было официально закреплено в уставе Национальной федерации кофейных производителей, согласно которому представители государственной власти официально включались во все исполнительные органы федерации. Производство кофе постоянно пользовалось официальной поддержкой: его экспорт никогда не облагался таможенными пошлинами.

Сельское хозяйство Колумбии характеризовалось многоукладностью или, как тогда говорили, "смесью укладов". Наряду с экспортными отраслями существовало производство хлеба на внутренний рынок. Оно было сосредоточено в помещичьих хозяйствах – асьендах, во внутренних районах страны, дававших наибольшую часть хлебной

продукции. В отличие от экспортных отраслей, производство здесь велось рудиментарными способами и носило застойный характер. Его отсталость объяснялась неразвитостью внутреннего рынка, образование которого только начиналось. Сельскохозяйственные центры были удалены друг от друга, и производство в них ограничивалось удовлетворением местных потребностей.

Помимо отсутствия развитой транспортной сети, этому способствовал также географический фактор: неблагоприятный рельеф страны, пересеченный горными хребтами, тропическими болотами, бурными реками, которые не всегда и везде были судоходными.

В асьендах, наряду с собственной помещицкой запашкой, существовала сдача крестьянам земли в испольцину, причем наряду с уплатой ренты, долею урожая, процветала настоящая отработочная рента (оплата аренды работой на помещицком поле несколько дней в неделю). Одним из условий, налагаемых на арендатора, была обязанность голосовать на выборах за кандидата, указанного землевладельцем. Таким образом латифундист имел в своем распоряжении множество избирательных голосов.

Помещик часто выступал перед крестьянами в роли скупщика-ростовщика. Власть торгово-ростовщического капитала в колумбийской деревне была очень сильной из-за экономической раздробленности страны, недоступности для крестьян рынков сбыта.

Сельскохозяйственный рабочий – пеон, подобно крестьянину – арендатору, был опутан долгосрочными контрактами, носившими кабальный характер. Существовали методы долгового закабаления рабочих, аналогичные знаменитому мексиканскому "пеонажу", описанному К.Марксом. В то же время в южных районах на границе с Перу, в хозяйствах по добыче каучука, принадлежавших иностранным компаниям, существовал принудительный труд индейцев, являвшийся по существу, форменным рабством.

Подытоживая свои наблюдения над аграрным строем Колумбии, Генрих Я-н приходил к выводу, что он в сильнейшей степени пронизан феодальными пережитками. Крупнейшим феодально-крепостническим пережитком являлось само помещицье землевладение, препятствовавшее развитию производительных сил в сельском хозяйстве. В то же время пеона нельзя было считать сельскохозяйственным рабочим современного капиталистического типа, т.е. юридически свободным.

Наряду с латифундизмом, вторым важнейшим элементом социаль-

но-экономической структуры Колумбии являлся иностранный капитал. Его проникновение в страну началось с провозглашением независимости и выразилось в предоставлении Англией займов колумбийскому правительству. Но процесс шел медленно из-за внутри политической нестабильности в стране.

Экспансия английского капитала ускорилась во второй половине XIX в. и связана была с финансированием им экспорта кофе, что повлекло за собой открытие в Колумбии филиалов английских банков. Одновременно с этим начались инвестиции британского капитала в железнодорожное строительство, в горную промышленность (добычу платины, затем нефти), в займы, главным образом колумбийскому правительству для строительства железных дорог. В 1918 г. общая сумма британских капиталовложений (займы, железные дороги, рудники) составила 33 млн долл.¹⁰⁵

Американское проникновение началось позднее, со времени Первой мировой войны. Этому способствовали военно-политические обстоятельства (с началом войны Англии было не до Латинской Америки), а также возросшей экономической и финансовой мощью США.

Но отношения США с Колумбией приобрели важное значение еще до начала экспансии американского капитала в страну, что было связано с конфликтом вокруг Панамского перешейка, на котором США позднее построили канал. Конфликт длился 20 лет и был урегулирован лишь в 1922 г. с подписанием американо-колумбийского договора, по которому Колумбия получила 25 млн долл. компенсации.

Этим самым США подготовили себе почву для экспансии в Колумбию для захвата командных высот ее экономики и вытеснения британского капитала. Прежде всего американцы завоевали господствующие позиции во внешней торговле, вытеснив Англию на второе место. В конце 1920-х годов доля США в колумбийском импорте достигала 50%, а доля Англии упала до 25%. Еще более впечатляющей была доля США в колумбийском экспорте – 80%¹⁰⁶.

Господство США во внешней торговле Колумбии дало им мощный рычаг для регулирования всей колумбийской экономики в своих интересах. Хотя производство кофе продолжало оставаться в руках местной буржуазии, его финансирование перешло от Англии к США. Одновременно они стали главными покупателями колумбийского ко-

¹⁰⁵ Генрих Я.-н. Указ. соч. С. 76.

¹⁰⁶ Там же. С. 77.

фе – 80%, цена которого отныне определялась в Нью-Йорке в долларах¹⁰⁷. Еще более прочным было господство американцев в производстве бананов, весь экспорт которых был сосредоточен в руках "Юнайтед Фрут Компани". По добыче платины американская компания превзошла английскую. Американский капитал обогнал английский и в нефтедобыче, получив в концессию сотни тысяч га нефтеносных земель. Быстро рос экспорт американского капитала. В 1928 г. Колумбия превзошла все латиноамериканские страны по количеству государственных бумаг, обращавшихся на американском денежном рынке.

Если до 1922 г. внешний долг Колумбии состоял из займов, заключенных в Англии, то с этого времени США стали монопольным заемодателем Колумбии. Финансовая система страны была перестроена в интересах США. По образцу и подобию американских резервных федеральных банков был создан Банк республики, ставший орудием США в подчинении колумбийской экономики. Для контроля за надлежащим использованием займов и своевременной выплаты по ним обязательств был создан специальный орган государственного контроля (Contraloria) во главе с американцем. Такие же "советники" были приглашены колумбийским правительством и в другие ведомства. Таким образом англо-американское соперничество закончилось полной победой США, которые вытеснили английский капитал с командных высот в колумбийской экономике. "Колумбия представляет в настоящее время, – писал Генрих Я-н, – полуколонию американского империализма"¹⁰⁸.

Казалось бы, что экспансия самого передового американского капитализма в Колумбию должна была способствовать устранению все еще сохранявшихся в социально-экономической структуре страны докапиталистических пережитков. Однако на практике этого не произошло, что прекрасно продемонстрировало банановое производство – в то время самая молодая отрасль сельского хозяйства Колумбии.

Выращивание и экспорт бананов находилось под полным контролем американской компании "Юнайтед Фрут". Центральной фигурой в землевладении и в землепользовании являлся не колумбийский помещик, а американский капиталист. Однако положение трудящихся на плантациях компании было не лучше, чем на помещичьих асьендах. Оно характеризовалось безграничным рабочим днем, низкой зар-

¹⁰⁷ Там же. С 86.

¹⁰⁸ Там же. С. 83.

платой, которая выплачивалась не деньгами, а бонами, бесчисленными штрафами, ограничением свободы передвижения. В этом отношении американский капиталист был ничуть не прогрессивнее колумбийского помещика. "И в данном случае, – делал вывод Генрих Я-н, который разделяли все советские латиноамериканисты, – подтверждается мысль о том, что самый передовой, высокоорганизованный капитал, попав в отсталую страну, немедленно приспосабливается к самым отсталым, к самым варварским способам эксплуатации масс, прекрасно используя их в своих интересах"¹⁰⁹.

В советской литературе 1920-х годов отмечалось зарождение в Колумбии промышленности, прежде всего текстильной и пищевой, не только в столице – Боготе, но и в ряде других городов – Медельин, Барранкилья, Картахена. Вместе с тем, наряду с фабриками сохранялось значительное количество мелких производств.

В целом социально-классовая структура страны еще не сложилась. "Социальные классы, – отмечалось в журнале "Коммунистический интернационал", – только еще вступают в период дифференциации"¹¹⁰. Это отразилось и социальном составе двух основных партий – консервативной и либеральной, состав которых был крайне разнородным. Стоявшая у власти после гражданской войны (1899–1902) консервативная партия выполнила ряд требований либералов: представительство меньшинства в конгрессе, отмена смертной казни, относительная свобода печати. В свою очередь в либеральной партии усилились левые элементы, враждебные империализму. Однако в целом в стране власть находилась в руках аграриев.

К 1915–1918 гг. относится зарождение рабочего движения, первые попытки организации профсоюзов. На съездах рабочих организаций в 1924, 1925, 1926 гг. была создана Национальная рабочая федерация, появились коммунистические группы, была создана Революционно-социалистическая партия, принятая в 1928 г. в Коминтерн. Под руководством последней состоялись забастовки рабочих-нефтяников в Барранкабермехе в 1927 г. и рабочих банановых плантаций "Юнайтед Фрут" в 1928 г., которые, несмотря на поражение, имели большой международный резонанс.

Изучение истории Колумбии как и других латиноамериканских

¹⁰⁹ Там же. С. 63.

¹¹⁰ Экономика и рабочее движение Колумбии // Коммунистический интернационал. 1928. № 20. С. 40.

стран развернулось уже в послевоенный период, но основные контуры подхода к изучению узловых проблем (аграрной, зависимости от иностранного капитала) наметились в 1920–1930-е годы.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Арсе Н.* Очерк политико-экономического положения и революционного движения в Колумбии // Коммунистический интернационал. 1929. № 42.
- Марков И.* Полуколониальная зависимость стран Южной и Карибской Америки // Синани Г. (ред.) Проблемы Южной и Карибской Америки. М., 1934.
- Турок В.* Колумбия / Марков И. (ред.) Кризис в странах Латинской Америки. М., 1932.
- Фортус М.* Рабочее движение Колумбии в борьбе с капиталом // Красный интернационал профсоюзов. 1929. № 1.
- Экономика и рабочее движение Колумбии // Коммунистический интернационал. 1928. № 20.
- Я-н Генрих (Якобсон)* Колумбия и северо-американский империализм // Аграрные проблемы. 1929. № 4, 5.

REFERENCES

- Arse N.* Ocherk politiko-ehkonomicheskogo polozheniya i revolyucionnogo dvizheniya v Kolumbii // Kommunisticheskij internacional. 1929. № 42.
- Markov I.* Polukolonial'naya zavisimost' stran YUzhnoj i Karaibskoj Ameriki // Sinani G. (red.) Problemy YUzhnoj i Karaibskoj Ameriki. M., 1934.
- Turok V.* Kolumbiya / Markov I. (red.) Krizis v stranah Latinskoj Ameriki. M., 1932.
- Fortus M.* Rabochee dvizhenie Kolumbii v bor'be s kapitalom // Krasnyj internacional profsoyuzov. 1929. № 1.
- Ekonomika i rabochee dvizhenie Kolumbii // Kommunisticheskij internacional. 1928. № 20.
- YA-n Genrih (Yakobson)* Kolumbiya i severo-amerikanskij imperializm // Agrarnye problemy. 1929. № 4, 5.

*Л. А. Ивкина*¹¹¹

L. A. Ivkina

Российская историография истории Колумбии: постсоветский период (1991–2017)¹¹²

Russian historiography of the history of Colombia: the Post-Soviet period (1991–2017)

Аннотация: В выступлении рассматриваются основные направления российской историографии истории Колумбии постсоветского периода (1991–2017), дается анализ основных работ, в которых освещаются наиболее важные проблемы исторического развития Колумбии в XVI–XXI вв., такие, как: Война за независимость в Новой Гранаде, особенности становления независимого колумбийского государства в 30-90-е годы XIX в., социальная утопия и общественная мысль Колумбии в XIX в., «тысячедневная война» и отделение Панамы, Колумбия в первой половине XX в., складывание партисипативной политической системы, исторические корни внутреннего вооруженного конфликта, основные тенденции социально-экономического развития Колумбии в эпоху неоллиберализма и др.

Ключевые слова: Колумбия, российская историография, постсоветский период (1991–2017), основные направления, работы и тенденции.

Abstract: The main topics of the Russian historiography of the history of Colombia in the Post-Soviet period (1991–2017) are discussed in the report, and a brief analysis of the works, covering the most actual problems of the history of Columbia in the XVI–XXI centuries is done, such as: The War of

¹¹¹ *Людмила Андреевна Ивкина*, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; *Ivkina Liudmila A.*, Doctor (PhD), Senior Reseacher of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, lais07@mail.ru.

¹¹² Данное выступление подготовлено при поддержке РФФИ, грант № 18-09-00021, «История Колумбии, с древнейших времен до начала XXI века»

Independence in New Granada, the emergence of an independent Colombian state in the 1830s–1890s, the social utopia and social thought of Colombia in the nineteenth century, Colombia during the first half of the XXth century, the formation of a participatory political system, the historical roots of the internal armed conflict, basic trends of socio-economic and political development of Colombia in the era of neo-liberalism, etc.

Keywords: Colombia, Russian historiography, the Post-Soviet period (1991–2017), main directions and works

В конце XX в. – начале XXI в. в новых исторических условиях, сложившихся в результате распада социалистического лагеря и перехода от биполярного к многополярному миру, в эпоху глобализации и интернационализации научных знаний, складывания нового мультимедийного информационного пространства, большей доступности источниковедческого материала (Интернет) и многих архивных документов (Коминтерн и др.) стали выработываться новые стереотипы мышления, новые подходы к оценке настоящего и прошлого стран Латинской Америки и Колумбии, в частности, с позиций исторического объективизма, началось переосмысление всего самого ценного, что было создано предшествующими поколениями российских историков латиноамериканистов. Накопленный научный и информационный багаж позволил отечественным историкам комплексно исследовать экономические, социальные, политические, культурные, внешнеполитические проблемы исторического развития Колумбии в XVI–XXI вв. и заполнить существовавшие ранее лакуны.

Традиционно ведущая роль в исследовании проблем исторического развития Колумбии в XVI–XX вв. принадлежит центру латиноамериканских исследований (в н. в. – центр региональных исследований). Так, сотрудники центра совместно с учеными других отечественных школ создали многотомный труд по истории Латинской Америки, в котором история Колумбии получила комплексное освещение¹¹³. Основное внимание в трудах (главы по истории Колумбии написаны Н. Г. Ильиной, Н. Н. Марчуком, Н. С. Ивановым) было сконцентрировано на исследовании наиболее важных проблем социально - экономи-

¹¹³ История Латинской Америки, 1991; История Латинской Америки, 1993; История Латинской Америки, 1999; История Латинской Америки, 2004; Политическая история Латинской Америки, 2012.

ческой и политической истории страны: Война за независимость и особенности становления независимого колумбийского государства в 30–60-е годы XIX в., «тысячедневная война» и отделение Панамы, Колумбия накануне и период первой мировой войны, Колумбия в 20–40-е годы и реформы Альфонсо Лопеса (1934–1945), исторические корни вооруженного конфликта (1964) в Колумбии и эпоха «неолиберальных реформ».

Полная интерпретация основных этапов Войны за независимость 1810–1826 гг. и в Новой Гранаде, в частности, получила освещение в фундаментальном труде центра Латиноамериканских исследований совместно с историками других отечественных школ. Интересная с научной точки зрения глава по истории Войны за независимость Венесуэлы и Колумбии написана О.И. Поскониной (МГУ)¹¹⁴.

Особое место в отечественной историографии занимает изучение социальной утопии в Колумбии в XIX в. Впервые эта тема нашла освещение в 80-е годы в работах видного советского историка латиноамериканиста А.Ф. Шульговского

Важный вклад в разработку проблем утопического социализма в Латинской Америке в XIX в., либеральной революции и «Плебейской республики» в Колумбии в 1849–1854 гг. внес А. А. Щелчков¹¹⁵. Продолжив начатую Шульговским разработку этой важной темы, автор определил историческое место первого социализма в Латинской Америке и в Новой Гранаде в рамках мирового развития общественной мысли, показал тесную связь латиноамериканского утопического социализма с европейским революционным движением середины XIX в. Европе, отметил влияние передовой французской общественной мысли и специфику собственно латиноамериканской социальной утопии. Он подчеркнул, что одной из общих характеристик европейского и латиноамериканского «1848 года» было исключительное участие в революции городских низов и равнодушие крестьянских масс. По мнению автора, революции 1848 г., главная задача которых состояла в ликвидации остатков «старого режима» и торжество принципов модерности, во всемирном масштабе замыкали революционный цикл доминирующего капитализма¹¹⁶.

Детально исследовав основные этапы либеральной революции

¹¹⁴ Посконина, 2011. С. 24–105.

¹¹⁵ Щелчков, 2012; Щелчков, 2016.

¹¹⁶ Щелчков, 2016. С. 27, 165, 231.

1849–1854 гг. и «Плебейскую республику» 1854 г. в Колумбии автор отметил, что эти исторические события стали важным рубежом в истории страны. Они позволили осуществить в стране глубокие буржуазно-демократические преобразования: было окончательно ликвидировано рабство, отменены полуфеодалные повинности и торговая монополия, введены частная собственность на землю и свобода торговли; осуществлены политические реформы (децентрализация управления, новая судебная реформа, всеобщее избирательное право, секуляризация общественной жизни (гражданский брак и светское образование). Революционные события середины XIX в. позволили Колумбии в короткий исторический срок осуществить радикальные структурные преобразования и сплотить господствующую элиту. В то же время они впервые вывели на политическую арену народные низы как самостоятельный субъект политики¹¹⁷.

Следует отметить, что существует другая точка зрения на события середины века в Колумбии, представленная в главе Н.Г. Ильиной «Колумбия в 30–60-е годы XIX века». Автор характеризует эти события как «революцию сверху», призванную осуществить реформы, дабы предотвратить массовые народные волнения¹¹⁸.

Безусловный интерес представляет и работа А. А. Щелчкова, посвященная исследованию общественной мысли Колумбии после окончания войны за независимость до конца XIX в.¹¹⁹ Автор, впервые в отечественной историографии детально рассмотрев основные направления общественной мысли Колумбии (классическое, либеральное, социальный консерватизм, христианский социализм, школу ревизионизма и позитивистское направление), отметил, что после достижения независимости в интеллектуальных кругах колумбийского общества господствующие позиции заняли рационализм (шотландская школа «здравого смысла» и утилитаризм Бентама), а также идеи Просвещения XVIII в. Дискуссии вокруг идей Бентама положили начало противостоянию двух основных идейных течений в колумбийской общественной мысли и историографии на протяжении всего XIX в.: либерального и консервативного¹²⁰.

В отечественной историографии особое внимание уделяется изу-

¹¹⁷ Щелчков, 2012. С. 237, 238, 241.

¹¹⁸ Ильина, 1991. С. 338.

¹¹⁹ Щелчков, 2010. С. 414–460.

¹²⁰ Щелчков, 2010. С. 415.

чению особенностей и специфики современного социально-экономического и политического развития Колумбии в условиях глобализации: неолиберальный вариант развития и его особенности, складывание партисипативной и плюралистической системы и их функционирование, исторические корни, ход и развитие длившегося уже более полувека вооруженного конфликта, превратившегося в главную угрозу стабильности и существования страны, идеологические программы главных леворадикальных (ФАРК и ЭЛН) и ультралевых вооруженных формирований, политика правящих кругов в отношении вооруженного конфликта, место и роль наркобизнеса, ставшего главным финансовым спонсором вооруженного противостояния, портреты политических лидеров современной Колумбии и др.

Среди множества тем центральное место занимает проблема вооруженного конфликта в Колумбии, причины и эволюция леворадикальных вооруженных формирований. Раньше (до 90-х гг.) вооруженная борьба леворадикальных партизанских формирований (ФАРК и ЭЛН) рассматривалась как главная революционная сила, поддерживаемая КПК и мировым коммунистическим движением, боровшаяся против империализма и стремившаяся вооруженным путем свергнуть существующий режим и установить новое, более справедливое социально ориентированное общество в Колумбии. В 90-е годы, в связи с явной эволюцией леворадикальных организаций и ультралевых формирований в сторону террористической деятельности, произошел кардинальный пересмотр многих сложившихся стереотипов в отношении социальных и политических конфликтов, были разработаны новые критерии в оценке этих идеологических течений¹²¹. Реальная деятельность колумбийских вооруженных отрядов стала рассматриваться в конкретном, существующем в стране социальном и экономическом пространстве, а их идейные установки – в соответствии с их реальными поведенческими мотивами и действиями.

В настоящее время существуют разные точки зрения на сущность самого вооруженного конфликта. Так, Н. С. Иванов считает, что вооруженное противостояние в стране следует рассматривать как перманентную гражданскую войну, причиной которой являются классовые противоречия внутри колумбийского общества¹²².

Важный вклад в разработку проблем современного общественно-

¹²¹ Латинская Америка: политические партии, 1994. С. 4.

¹²² Иванов, 2004. С. 303–321.

исторического развития Колумбии внес известный политолог профессор З. В. Ивановский¹²³. В фундаментальном труде «Колумбия: государство и гражданское общество. Опыт экономических реформ в условиях нестабильности» автор детально исследовал основные направления социально-экономического и политического развития колумбийского общества в 60–90-е годы XX в., деятельность политических организаций, функционирование существующей политической системы и государственных институтов, основные тенденции развития общества в условиях неолиберальной политики, особенности эволюции вооруженных формирований от революционного романтизма к политическому экстремизму. Автор отметил, что необходимым условием решения внутренних задач является «укрепление гражданского общества, включение всех субъектов в политическую жизнь, повышение уровня политической культуры масс для достижения общенационального согласия по наиболее важным вопросам»¹²⁴.

Особый интерес представляет фундаментальный труд М. Л. Чумаковой «Колумбийская драма: разлом общества, эскалация террора, поиски мира»¹²⁵. Автор отметила, что в XXI в. страна «вступила с тяжким грузом многослойного, застарелого внутреннего конфликта, унаследованного от эпохи «холодной войны», который в последние годы претерпел существенные изменения. Классическая схема партизанской борьбы прошлого, для которого характерна борьба леворадикальной вооруженной оппозиции против существующего строя, уступило место новой. Ныне легитимным органам власти противостоят вооруженные формирования, связанные с криминальной наркоэкономикой и использующие терроризм в качестве главного инструмента их деятельности». Вскрыв исторические корни и проследив основные этапы развития вооруженного конфликта в стране, автор показала, как происходило перерождение леворадикальных группировок в конце 90-х гг. – начале XXI в. в криминальные структуры сообщества. Она пришла к выводу, что идейно-политическое обрамление деятельности герильи представляет собой лишь пропагандистский заслон, призванный скрыть ее антинациональный характер и террористическую сущ-

¹²³ Ивановский, 1989; Ивановский, 1994; Ивановский, 2002. С. 48–73; Ивановский, 2003; Ивановский, 2011. С. 234–258; Ивановский, 2014. С. 17–39; Ивановский, 2017.

¹²⁴ Ивановский, 1997. С. 247, 248.

¹²⁵ Чумакова, 2002.

ность¹²⁶.

Отечественные историки показали роль наркобизнеса, который превратился в главного финансирующего органа вооруженных формирований¹²⁷.

В последнее десятилетие появились интересные работы по новым тематикам, основанные на впервые вводимые в научный оборот источниках (архивных и партийных документов). Здесь следует упомянуть статьи В. Л. Хейфеца, Л. С. Хейфеца и И. И. Янчука, в которых исследованы особенности формирования коммунистической партии Колумбии (20–30-е годы XX в.)¹²⁸.

Представляет интерес и работы О. Н. Докучаевой, посвященные анализу политической деятельности современных политических деятелей Колумбии: Х. Альсате Авенданьо (1910–1960) и экспрезидента Колумбии Альваро Урибе Велеса (2002–2010)¹²⁹. Автор отметила, что Х. Альсате Авенданьо стремился осуществить радикальные изменения во всей политике партии, перестроить ее партийную идеологию в направлении христианско-демократического социализма.

Альваро Урибе, по мнению автора, стал выразителем весьма популярной центристской политико - социологической идеологии «коммунитаризма», возникшей в США в 90 – е годы. Согласно этой концепции, отметила автор, в подлинно демократическом государстве права каждой личности, а также права бизнеса тесно связаны с социальной ответственностью перед обществом, что допускает определенное ограничение этих прав государством в интересах общества в целом. Современное демократическое общество, опирающееся на широкий гражданский консенсус, сможет и должно содействовать не только экономическому росту, но и утверждению социальной справедливости. Отсюда следует вывод: в современном мире действительно стал возможен и реально существует «третий путь» развития, который европейские социал-демократы называют «демократическим капитализмом». А. Урибе, по мнению автора, был сторонником солидарной ответственности государства и общества, стремился создать в Колумбии «коммунитарное общество», которое могло бы стать главным ин-

¹²⁶ Чумакова, 2002. С. 278, 279.

¹²⁷ Селезнев, 2003. С. 30–37; Степанова, 2005; Ивановский, 2017. С. 155–176.

¹²⁸ Хейфец В. Л., Хейфец Л. С., 2008. С. 41–61; Янчук, С. 160–204.

¹²⁹ Докучаева, 2013. С. 248–260; Докучаева, 2014. С. 44–55.

струментом устойчивого роста и развития страны¹³⁰.

Представляет интерес и статья П.И. Костогрызова (Екатеринбург) о роли общинного правосудия в современной Колумбии и его использовании в решении вооруженного конфликта в стране¹³¹.

Краткий анализ отечественно историографии истории Колумбии показал, что существуют определенные лакуны в исследовании социально-политических и экономических проблем истории страны, особенно касающиеся периода 30-х годов – конца XIX в. Более разработанным, на наш взгляд, видится период современного развития страны (60-е годы XX в. – до н. в.). Подготавливаемый в рамках РФФИ сотрудниками отдела региональных исследований коллективный труд по истории Колумбии, в котором примут участие и известные колумбийские историки, призван восполнить существующие пробелы в отечественной историографии истории Колумбии.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Докучаева О. Н. Х. Альсате Авенданьо (1910–1960) и эволюция политической системы Колумбии в XX в. // Иberoамериканские тетради. Вып. 1. М.: МГИМО, 2013. С. 248–260.*
- Докучаева О. Н. Альваро Урибе: «политический автопортрет» // Иberoамериканские тетради. Выпуск 3. М.: МГИМО, 2014. С. 44–55.*
- Ивановский З. В. Идеология и политика вооруженных формирований Колумбии // Латинская Америка: политические партии и социальные движения. Т. 2. М.: ИЛА РАН, 1994.*
- Ивановский З. В. Колумбия: государство и гражданское общество. Опыт экономических и политических реформ в условиях нестабильности. М.: ИЛА РАН, 1997.*
- Ивановский З. В. Колумбия: паритетная система и государственные институты (1958–1991) // Латиноамериканский исторический альманах. М., 2002. № 2. С. 48–73.*
- Ивановский З. В. Колумбия: внутренний вооруженный конфликт и проблема терроризма // Терроризм в современном мире: истоки, сущность, направления, угрозы. М.: Ин-т социологии РАН, 2003.*
- Ивановский З. В. Колумбия: государство и вооруженная оппозиция // Латиноамериканский исторический альманах. М., 2011. № 11. С.*

¹³⁰ Докучаева, 2014. С. 47 – 48.

¹³¹ Костогрызов П. И. Общинное правосудие в Колумбии // Латинская Америка, 2016, № 4. С. 45 – 57.

234–258.

- Ивановский З. В.* Колумбия: реальная политика и избирательные стратегии // Латинская Америка, 2014. № 11. С. 17–39.
- Ивановский З. В.* Внутренние вооруженные конфликты: опыт урегулирования и потенциальные издержки // Политические конфликты в Латинской Америке: вызовы стабильности и новые возможности. М.: ИИА РАН, 2017.
- Ивановский З. В.* Колумбийский узел развязан? // Современная организованная преступность в Латинской Америке. М.: Весь мир, 2017. С. 155–176.
- История Латинской Америки. Доколумбова эпоха – 70-е годы XIX века. М.: Наука, 1991.
- История Латинской Америки. 70-е годы XIX века – 1918 г. М.: Наука, 1993.
- История Латинской Америки. 1918–1945. М.: Наука, 1999.
- История Латинской Америки. Вторая половина XX века. М.: Наука, 2004.
- Костогрызов П. И.* Общинное правосудие в Колумбии // Латинская Америка, 2016, № 4. С. 45–57.
- Латинская Америка: политические партии и социальные движения. Т.2. М.: ИИА РАН, 1994.
- Политическая история стран Латинской Америки в XIX веке. М.: Наука, 2012.
- Селезнев А. А.* Источники финансирования колумбийской герильи // Латинская Америка, 2003. № 6. С. 30–37.
- Степанова Е. А.* Роль наркобизнеса в политэкономии конфликтов и терроризма. М.: Весь мир, 2005.
- Хейфец В.Л., Хейфец Л. С.* Коминтерн и формирование компартии Колумбии // Латинская Америка, 2008. № 5. С. 41–61.
- Чумакова М. Л.* Колумбийская драма: разлом общества, эскалация террора, поиски мира. М.: ИИА РАН, 2002.
- Щелчков А. А.* Историография и общественная мысль Колумбии // История Латинской Америки в мировой исторической и общественной мысли XVI–XIX веков. М., 2010. С. 414–460.
- Щелчков А.А.* Либеральная революция и «Плебейская республика» в Колумбии, 1849–1854. М.: ИВИ РАН, 2012.
- Щелчков А. А.* Социальная утопия в Латинской Америке. М.: Аквилон, 2016.
- Янчук И. И.* Коминтерн и создание компартии Колумбии. Докумен-

тальный очерк // Латиноамериканский исторический альманах. М., 2009. № 9. С. 160–204.

REFERENCES

- Chumakova M. L.* Kolumbiyskaya drama: raslom obschestva, eskalatsiya terrora, poiski mira. M.: ILA RAN, 2002.
- Dockuchaeva O.N.* Alcate Avendaño (1910–1960) i evolutziya politicheskoy sistemi Kolumbii v XX v. // Iberoamericanskiye tetrad. Vip.1. M.: MGIMO, 2013. P. 248–260.
- Dokuchaeva O. N.* Alvaro Uribe ; «politicheskii avtoportret» // Iberoamericanskiye tetrad. Vipusk 3 (5). M.: MGIMO, 2014. P. 44–55.
- Istoria Latinskoi Ameriki. Dokolumbova epokha – 70-e godi XIX veka. M.: Nauka, 1991.
- Istoria Latinskoi Ameriki. 70-e godi XIX veka – 1918. M.: Nauka, 1994.
- Istoria Latinskoy Ameriki. 1918–1945. M.: Nauka, 1999.
- Istoria Latinskoy Ameriki. Vtoraya polovina XX veka. M.: Nauka, 2004.
- Iwanowski Z. V.* Ideologia i politika voorusghonnikh formirovanniy Kolumbii // Latinskaya Amerika: politicheskaye partii i sozialniye dvisgheniya. T. 2. M.: ILA RAN, 1994.
- Iwanowski Z. V.* Kolumbia: gosudarstvo i grasghdanskoye obschestvo. Opit ekonomicheskikh i politicheskikh reform v usloviakh nestabilnosti. M.: ILA RAN, 1997.
- Iwanowski Z. V.* Kolumbia: gosudarstvo i voorusghonnaya oppositziya // Latinoamerikanskii istoricheskii almanakh. M.: 2011. №11. P.234–258.
- Iwanowski Z. V.* Kolumbia: paritetnaya sistema i gosudarstvenniye instituti (1958- 1991) // Latinoamerikanskii istoricheskii almanakh. M., IVI RAN, 2002. № 2. P. 48–73.
- Iwanowski Z. V.* Kolumbia: realnaya politika i isbiratelniye strategii // Latinskaya Amerika, 2014. № 11. P. 17–39.
- Iwanowski Z. V.* Kolumbia: vnutrenniy voorusghonniy konflikt I problema terrorisma // Terrorism v sovremennom mire: istoki, suschnost, napravleniya i ugrosi. M.: Ins-t Sociologii RAN, 2003.
- Iwanowski Z. V.* Kolumbiyskii usel rasvyazan?// Sovremennaya organizovannaya prestupnost v Latinskoy Amerike. M.: Ves Mir, 2017.
- Iwanowski Z. V.* Vnutrenniye voorusghonniye konflikti: opit uregulirovanniya i potentsialniye isdersghki // Politicheskiiye konflikti v Latinskoy Amerike: visivi stabilnosti i noviy vosmosghnosti. M.: ILA, 2017.
- Jeifets V.L., Jeifets L. S.* Komintern i formirovaniye kompartii Kolumbii // Latinskaya Amnerica, 2008. № 5. P. 41–61.

- Kostogrisov P.I.* Obschinnoye pravosudiye v Kolumbii // Latinskaya Amerika. 2016, №4. P. 45–57.
- Latinskaya Amerika: politicheskiye partii i sozialniye dvischeniya. T.2. M.: ILA RAN, 1994.
- Politicheskaya istoria stran Latinskoj Ameriki v XIX v. M.: Nauka, 2012.
- Schelchkov A. A.* Istoriografia I obschestvennaya misl Kolumbii // Istoria latinskoj Ameriki v mirovoy I obschestvennoy misli XVI–XIX vekov. M.: Nauka, 2010. P. 414–460.
- Schelchkov A. A.* Liberalnaya revoluzia i “Plebeyskaya respublika” v Kolumbii, 1849–1854. M.: IVI RAN, 2012.
- Schelchkov A. A.* Sozialnaya utopia v Latinskoj Amerike. M.: Akvilon, 2016.
- Selesniev A.A.* Istochniki finansirovaniya kolumbiyskoj gerilli// Latinskaya Amerika, 2003, № 6. P. 30–37.
- Stepanova E. A.* Rol narkobisnesa v politekonomii konfliktov i terrorisma. M.: Nauka, 2005.
- Yanchuk I. I.* Komintern i sozdaniye kompartii Kolumbii. Dokumentalnyi ocherk // Latinoamerikanskiy istoricheskij almanakh, 2009. № 9. P. 160–204.